

Рина Беж

Пари на
РАЗВОД

Рина Беж

Пари на развод

«Литнет»

2023

Беж Р.

Пари на развод / Р. Беж — «Литнет», 2023

– Предлагаю пари, – прищуривается махровый шовинист. – Если разведешься – извинюсь и выполню любое твое желание. – А вы многое можете? – дерзко ухмыляюсь. – Коль уж раскидываетесь такими громкими словами. – Может, и могу, – отзеркаливает мою мимику. – Но для этого ты сильно постарайся. Иначе... – Иначе? – Придется исполнять уже мою хотелку! Прикусываю губу и качаю головой. Провокатор. – Ну так как? Забиваемся? Или ты сразу «пас», мышка?! Смотрю в наглые серые глаза, на протянутую мне руку. Нет, я не трусиха и по-любому разведусь с кобелем-мужем. А вот помощь богатого наглеца, вполне возможно, пригодится. – Договорились, – пожимаю его горячую ладонь. А мурашки по телу – это ерунда... октябрь же. ✓# ОДНОТОМНИК ✓#"Сделка с врагом"; - история первой жены гл.героя ✓# История Ирины Митиной, адвоката - "Больше, чем сделка";

© Беж Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

– Предлагаю пари, – прищуривается махровый шовинист. – Если разведешься – извинюсь и выполню любое твое желание.
 – А вы многое можете? – дерзко ухмыляюсь. – Коль уж раскидываетесь такими громкими словами.
 – Может, и могу, – отзеркаливает мою мимику. – Но для этого ты сильно постарайся. Иначе...
 – Иначе?
 – Придется исполнять уже мою хотелку!
 Прикусываю губу и качаю головой. Провокатор.
 – Ну так как? Забиваемся? Или ты сразу «пас», мышка?!
 Смотрю в наглые серые глаза, на протянутую мне руку.
 Нет, я не трусиха и по-любому разведусь с кобелем-мужем. А вот помощь богатого наглеца, вполне возможно, пригодится.
 – Договорились, – пожимаю его горячую ладонь.
 А мурашки по телу – это ерунда... октябрь же.

ОЛЕСЯ

– Вот же коз-зёл!

Не сдерживаю эмоций.

Есть отчего. Прокрутив постановление от ГИБДД, пришедшее на е-мэйл через Госуслуги, до второй страницы и взглянув на развернувшуюся на экране мобильного картинку, обалдеваю.

И смех, и грех, и полный звездеч!

Хотела удостовериться, что присланный штраф – не ошибка? Что машина на фото – действительно моя? А за рулем мой вечно спешащий по важным делам муж?

Ну вот. Убедилась!

Не ошибка. Машина моя. И муж... тоже мой.

Сережа. Красавчик. Сидит с блаженной физиономией на водительском кресле, баранку крутит, на газ жмет, не замечая, что превышает установленный на том участке дороги скоростной режим на 43 км/ч.

Хотя куда уж ему замечать такие мелочи, как предупреждающие знаки на дороге, когда всё самое интересное происходит внутри машины, а именно в области его ширинки?

Пусть снимок черно-белый, но угол съемки оказывается очень удачным, фото четким. На нем помимо водителя на соседнем кресле присутствует дамочка. Она стоит на коленках.

В профиль.

Попа задрана, а светловолосая макушка, уж очень ярко она контрастирует с темным одеянием моего супруга, опущена к вполне понятному «рычагу». И это не коробка передач, которую девушка усиленно помогает переключать губами.

Центр притяжения ее рта располагается чуть севернее АКПП. Именно туда настойчиво ее направляет рука Сергея.

Да-да-да. Мой муж нарушает скоростной режим, а заодно и те, клятвы, которые давал мне в день свадьбы пятнадцать лет назад.

«Лесечка, родная, клянусь, ты никогда не пожалеешь, что стала моей женой. Никогда не обману, не изменю и не предаю. Верным буду, любить буду, ценить буду. Холить и лелеять стану. На руках носить...»

Пи..дабол!

Нет, пи..дабол в кубе, потому что и обманул, и изменил, и предал.

Все клятвы нарушил.

– Кобель похотливый! – рыкаю на весь салон, благо еду в машине одна.

Эмоции захлестывают и топят. Тело потряхивает. То бросает в холод, то обжигает кипятком. Ладонки потеют и опасно скользят по оплетке руля. Взгляд затуманивается.

Девочка, живущая внутри меня, несмотря на то, что уже стукнуло тридцать три, подрагивает, испытывая мощнейший стресс и тихонько нашептывает на ухо, что спешить с выводами – неправильно, сначала нужно с Сережей поговорить, а уж потом... кастрировать думать, как быть дальше.

И вместе с тем мне страшно.

Очень и очень страшно. Привычный мир, как тот самый стеклянный шар на подставке, терпит сокрушительный удар. И вот уже его панцирь медленно покрывается сеточкой трещин. Малейшая неосторожность – и угроза разлететься осколками станет реальностью.

Боясь не совладать с эмоциями, что за рулем, да еще в центре города, чревато неприятностями, резко выворачиваю вправо. Перескакиваю через две полосы сразу и резко бью по тормозам.

Это и становится моей главной ошибкой.

«Бах!»

Машина вздрагивает. Кто-то влетает мне в зад.

Удар несильный, но ощутимый.

Тело бросает вперед, но ремень безопасности, впиваясь в кожу через одежду, пригвозждает к сиденью и спасает от встречи носа с рулем.

В области груди прошивает болью. Делаю резкий, рваный вздох. Оттягиваю «удавку» от тела и роняю голову на руль, вцепляясь в него пальцами.

Прикрываю глаза, пытаюсь прийти в себя и осознать случившееся.

Боли почти нет. Зато чувствую страх, морозящий пальцы на руках и ногах.

Я перепугалась, основательно. И, честно говоря, за доли секунды успела попрощаться с жизнью.

Знаю, от такого не умирают. Но любая, даже самая незначительная авария, это фантомная боль моей души... напоминание о жуткой потере.

Когда по стеклу стучат, смаргиваю воспоминания, но не могу даже голову поднять.

Будто во сне слышу, как щелкает ручка, открывается водительская дверь, и мужской голос спрашивает:

– Девушка, вы в порядке?

Заторжено реагирую на чужака. Поднимаю голову и фокусируюсь на абсолютно незнакомом лице. Затем перевожу взгляд в зеркало заднего вида и замечаю мигающего аварийками тонированного автомонстра.

Кривлюсь.

Как же обидно, а?

Чего боялась, то в итоге и спровоцировала. Закон подлости настигает во всей красе: не хотела проблем, зато проблемы явно хотели меня. Сильно. Страстно. Безотлагательно.

И их желание победило.

ДТП. Еще и машина какая-то огромная и навороченная.

– Девушка?

Несколько раз киваю, что слышала. Концентрируюсь на руках, замечаю, как дрожат пальцы. Шумно выпускаю воздух из легких. Дышу.

– Головой ударились?

– Что? Нет.

– Уверены?

– Да.

– Кто же так резко тормозит?

Видимо, поняв, что со мной всё нормально, решает сменить милость на гнев. Вот же быстрый!

Не дожидаясь, когда набросится с претензиями, осаживаю первой:

– Дистанцию соблюдать надо, мужчина.

Ловлю его ухмылку, отщелкиваю ремень безопасности и медленно выбираюсь на улицу. Слегка штормит. Опираюсь на дверь и стойку.

Чужие пальцы, обхватывают локоть, сжимают, придерживая.

– Я сама справлюсь.

Мужчина усмехается, отступает на шаг и демонстрирует мне раскрытые ладони.

Киваю. Вот и правильно.

Я – девочка самостоятельная. Не надо нарушать дистанцию.

Машину огибаю, надеясь на чудо: что ни его, ни моя ласточка особо не пострадали. Удар был приличный, но скорость-то небольшая.

Вдруг обойдется?

Не обходится.

Точнее, с моей «сераткой», так я называю KIA Serato, все в норме. Пара царапин на бампере – ерунда. У авто мужчины дела обстоят хуже. Разбита фара и покоцано крыло.

Да, мли-и-ин.

Ну что за день? Почему все это происходит со мной?

– Страховка есть?

Поворачиваюсь на голос.

Страховка?

– Да. Есть...

Кажется...

Медленно возвращаюсь в машину и вытаскиваю из бардачка пластиковый уголок с документами. Перебираю дважды. Не finding нужной бумажки, бледнею. Где же она?

– Может, электронная?

Подсказывает второй участник ДТП, следя за мной ястребиным взглядом.

– Да. Точно...

Хочется дать себе по лбу за несообразительность.

Но услышав тихое:

– Трындец, реально блондинка, мимикрировавшая под брюнетку.

... передумываю.

Вот же шовинист махровый!

Дотягиваюсь до телефона, разблокирую. Взгляд снова упирается в фото с изменой мужа.

Еще один самоуверенный мерзавец, проносится в голове. Не был бы это мой телефон, точно бы на снимок плюнула.

– Вау, хренасе! – присвистывает бесшумно придвинувшийся совсем близко незнакомец, бессовестно заглядывая мне через плечо. – Какие эротичные штрафы нынче гайцы шлют.

Глава 2

ОЛЕСЯ

От искреннего удивления, звучащего из уст постороннего мужчины, не замечаю, как поддакиваю.

- Сама в шоке.
- Твой?
- Мой.
- Муж?
- Пока да.

Недоверчивое хмыканье, наконец, приводит в себя. Смахиваю дурацкий снимок и поворачиваюсь к мужчине. Поднимаю взгляд и... сталкиваемся глазами.

Они у него серые... или голубые?

Прищуриваю. Нет, точно серые. На лице легкая щетина. Волосы темно-русые, зачесаны назад, а на висках сострижены почти под ноль. Симпатичный. Не смазливый. Скорее, мужественный.

Небольшие мимические морщинки в уголках глаз, нижняя губа полнее верхней, ресницы длинные, темные. О таких девочки всегда мечтают. На вид лет тридцать пять...

Понятия не имею, с чего вдруг так пристально его рассматриваю, скорее всего, последствия шока сказываются. Но внешность, в отличие от развязного языка, поразительно, но не отталкивает.

– Что не так? – спрашиваю требовательно.

Смотрит прямо. Нагло.

– Не люблю громких заявлений, за которыми кроме бравады ничего не стоит.

Сиплый голос задевает за живое, как и насмешка.

Прищуриваю, сверля «провидца» скептическим взглядом.

– А я не люблю самоуверенных самцов, по глупости считающих себя дальновидными.

Не нравится ему мой сарказм. Раздувает ноздри.

– Ты не разведешься, – неожиданно переходит на «ты», чем отталкивает.

Терпеть не могу фамильярностей. Ну хоть минимальные манеры же должны быть?

Должны. Но его, судя по всему, этим качеством еще в детстве обделили.

– Вы, правда, так уверены?

Даже смешно на миг становится. Как мы умудрились с обсуждения аварии перейти на личное?

– Уверен. Хочешь расскажу, как всё будет? – подначивает.

– А давайте.

Взмахом руки, предлагаю поделиться «гениальными» домыслами.

– Окей. Ты приедешь домой, сядешь на диванчик, сложив ручки на коленочках, и будешь дожидаться «любимого». А когда он приедет, закатаешь скандал. Потрясешь перед его носом телефоном и потребуешь объяснений. Дальше, конечно же, поревёшь. А затем он расскажет тебе сказочку... – ухмыляется паразит, – ... что бес попутал, алкоголь сбил с пути праведника, или блондинка, развратница, – кивок в сторону моего гаджета, – его, бедняжку, слишком крупной сеткой на колготках спровоцировала. А, может, он не станет юлить и обманчиво раскаиваться, и спокойно всё подтвердит. Мол, да, гульнул, но это ничего не значит. Как говорится, секс любви не помеха. Семья все равно дороже шлюхи. При этом еще надавит обстоятельствами и прямо пригрозит тебе финансами, точнее, их лишением. Варианты не столь важны. И всё.

– Всё? – переспрашиваю удивленно, когда «знаток» замолкает.

– Всё, – кивает, будто задачу по высшей математике, отмеченную двумя звездочками, за три минуты решил. – Скандал закончится.

– Так просто?

– Верно. Ну, конечно, ты для вида еще недельку – две пострадаешь, а потом – простишь. Или не простишь, оставив обиду внутри, но однозначно смиришься... и с этой любовницей, и со всеми последующими.

– А если не смирюсь?

Смотрит на меня как на забавную зверушку, сбежавшую из цирка.

А меня подбрасывает от его молчания.

– По-вашему, что? Другой модели развития событий вообще не бывает? Все бабы терпят загулы кобелей?

– Ну почему все? Нет, конечно. Есть брезгливые девочки, знающие себе цену, те, кто после измены гордо уходит в закат. Но это чаще от обычных, среднестатистических, как ты выражаешься, кобелей, – засовывает руки в карман, перекатывается с пятки на носок и обратно, увлажняет нижнюю губу и продолжает. – А вот от богатых жены сами уходят редко. Чаще молча терпят. Глодают всё, что ни вытворит благоверный, только бы не терять привычный уклад.

– Цинично.

Подвожу итог чисто мужской точке зрения.

И делаю мысленную пометку, что мужчина довольно четко подмечает детали. Ведь я ни разу не сказала, что отношусь к категории обеспеченных людей. Он сам догадался, оценив машину, внешний вид и аксессуары.

Впрочем, о нем тоже мнение сложила. Он – ни разу не слесарь четвертого разряда. Те на бэхах за двадцать лямов не ездят. А попав в аварию, не идут поболтать за жизнь, скорее уж бегут в аптеку за валидолом. И даже белый спортивный костюм и кроссы в цвет не вводят меня в заблуждение. А вот дорогие часы на запястье и печатка на мизинце с черным камнем – да, как раз подтверждают факт состоятельности.

– Цинично? – повторяет он за мной и тут же отмахивается. – Брось. Это не цинично, это жизненно. Остаться с голой жопой после высокого уровня достатка – сложно и страшно. И здесь уже не до ущемленной гордости.

– Ну, спасибо, что хоть не всех под одну гребенку мерите, – не скрываю сарказма, – но общий посыл ясен. По-вашему, жёны – это либо тихие мышки, серые, неприспособленные и трусливые. Либо бойцы в юбке с титановым стержнем внутри, но из среднего класса.

– Ну-у-у, образно выражаясь, да.

И ведь ни один глаз у него не дергается, когда он мне это говорит. Усмехаюсь, стараясь держать непроницаемость, но глубоко внутри соглашаюсь почти с каждым словом.

Это в двадцать – двадцать пять, без детей и забот не страшно всё начинать с начала, а тем, кому за тридцатник, еще хуже сороковник и выше, с детьми и привыкшим сидеть дома, а не вкалывать по сорок часов в неделю – реальный финиш.

Вот только я себя в страусы записывать не хочу. Пусть и имею все параметры тех, кому за... – но все же собираюсь пнуть дорогого Сережу под зад.

– Ясно. А меня, значит, увидев сегодня впервые, вы легко определили в первую группу слабаков? – не скрываю сарказма и качаю головой.

Вот же павлин.

Стоит и сам собой восхищается.

– Ну, прости, мышка, – язвит, неспешно пробегаясь по мне оценивающим взглядом, – не тянешь ты на задиру с железными яйцами.

– А если удивлю? Готовы извиниться?

Задумывается на минутку, поглаживает небритость на лице.

– Оп-па, – цокает языком, – то есть закусилась и не простишь изменника?

– Не прощу, – повторяю без запинки.

В голове ни капли сомнений, никакие оправдания Кирову не помогут.

– Предлагаю пари, – прищуривается мужчина, ловит мой взгляд и несколько секунд удерживает. – Если разведешься – извинюсь и выполню любое твоё желание.

– А вы разве многое можете, – ухмыляюсь и тоже дерзко его осматриваю, – коль уж раскидываетесь такими громкими словами?

– Может, и могу, – отзеркаливает мою мимику. – Но для этого ты сильно постарайся. Иначе...

– Иначе? – не выдерживаю испытания молчанием.

– Придется исполнять уже мою хотелку!

Прикусываю губу и качаю головой. Провокатор.

– Ну так как? Забываемся? Или ты сразу «пас», мышка?!

Смотрю в наглые серые глаза, потом на протянутую ко мне руку.

Нет, я не трусиха и по-любому разведусь с кобелем-мужем. А вот помощь этого богатого наглеца мне, вполне возможно, пригодится.

– Договорились, –жимаю его горячую ладонь.

А мурашки по телу – это ерунда... осень же на дворе.

Глава 3

ОЛЕСЯ

– Ну так, что будущая свободная женщина, где твоя страховка?

Поддевку пропускаю мимо ушей. Предчувствую, если *мистер-давай-заклучим-пари* заметит, что злюсь, с него станется подкалывать так и дальше.

А оно мне надо?

Вот уж нет.

– Минутку, ищу, – возвращаюсь к злополучному телефону.

Нырряю в «Галерею», а параллельно пытаюсь припомнить, в каком месяце оформляла документ.

Точно не осенью. На улице начало октября. А этим делом я занималась давненько.

Летом? Нет, не могла. Оно как будто вчера закончилось. Еще даже загар жив. Да и я бы помнила.

Весна, да? Весна-весна-весна. Потираю лоб. Черт, болела часто, почти не садилась за руль. Значит, тоже мимо.

Зима? М-м-м, февраль – точно отпадает. Январь – у Алешки были каникулы, явно не подходит. Декабрь – Сергей на две недели улетал в Москву. Кстати, один? Или с блондинкой-шпагоглотательницей?

Хм-м, а вот интересно, кобели в командировку с собой свои «самовары» возят? Или им по месту пребывания местные на прокат выдают, чтобы сделку умаслить?

Черт! Не о том я думаю, не о том. Но мысль интересная, если не забуду, непременно у «любимого» уточню.

Так. И что остается? Снова осень? Ноябрь – вряд ли. Сынуля болел. Ох уж эта «корона», хорошо, что в легкой форме. Октябрь или сентябрь?

Перелистываю до октября и, наивно веря, что хоть капля удачи мне в этот день перепадет, проматываю дни в обратном исчислении.

– Слушай, мышка, а ты случаем не из этих, которые в тик-токе и на яппи зависают, забывая, что вокруг есть другой мир? – подозрительно интересуются над ухом.

– Пфф, я, что, малолетка какая-то?

Не дергаюсь лишь потому, что стою, прислонившись к «сератке», и рыпаться просто некуда. А вбиваться в железо желания нет. Но то, как нагло нарушается моё личное пространство, улавливаю.

– М-да? Ну, ладно, – подозрительно хмыкает *мистер-предлагаю-пари*. – Просто в телефоне залипла так, будто уже черный пояс в данном единоборстве имеешь.

Остроумный, ох, ты боже мой. Стендап-комик доморощенный.

– Глупости не говорите.

Сложно поспевать за тем, как быстро мужчина меняет направление разговора, да еще пытаться найти то, *сама-не-помню-куда-положила* что.

Входящий вызов отвлекает господина-брюнета от важного дела – изучения всей меня с ног до головы в целом и по запчастям в частности. Принимая вызов, он отходит в сторону, я же, продолжая, листать фотографии, не хочу, но слушаю:

– Да, я на Горького встрял. Не, норм, разберусь. Ты как, разрулил с немцами? Уверен? Ладно, я рад. ВанькаА заберёшь? Хм, а он вам не мешает? Ну, тебе виднее. Только не сильно мне его балуй. Да... да, знаю. Договорились. Хорошо. Наберу позже.

***

– Ну, что, Маша-потеряша, справилась с задачей?

И снова он подкрадывается совсем бесшумно, пугая до усрачки нервного тика. Хотя с моей сегодняшней везучестью пора бы уже привыкнуть, что фортуна основательно подвернула мне свой округлый филей.

Справиться-то справилась.

Правда, лучше б...

Открыв нужный документ совсем в другом месте – в специальном приложении, про которое позабыла, я не иначе как сегодня заработала свой первый седой волос. Выписанная на год страховка закончилась неделю назад.

Прелестно!

– Я – не Маша, но справилась.

Облизываю губы и мысленно прикидываю во сколько обойдется ремонт чужого внедорожника. Из-за отсутствия страховки его мне придется оплачивать за свой счет.

Отлепляюсь от бока «сератки», еще раз осматриваю повреждения...

Мысленно присвистываю.

Интересно, сколько стоит фара от бэхи? А замена крыла? Работа?

Нет, вру, совсем не интересно.

– Отлично, не-Маша, давай ее сюда, европротокол составлять будем.

– Это вряд ли, – ловлю прищур и признаюсь с кислой миной. – У меня срок по страховке истек.

Мужчина трет лоб, закатывает глаза и развернувшись направляется к машине.

Молча!

Нервничаю.

Господи, сейчас как вытащит оттуда битую или травматический пистолет, как начнет махать и угрожать. А если стрелять?

И ведь нельзя однозначно сказать, что мои мысли бредовые. По новостям день через день подобный трэш показывают.

Достаточно малейшего повода: скандала в пробке (кто кого не пропустил), или аварийного вождения (ты меня, козёл, подрезал!), или просто из-за понтов (ты чего, олень, не видел, я тебе дважды моргал, чтобы ты вправо убрался? Я же спешу!) ... и всё.

Всё!

Вспыхнувшие злобой крутые перцы на раз-два принимаются решать «проблемы» кулаками, ногами, теми самыми битами и травматами. Устраивают потасовки и в черте города, и на трассе.

– Мужчина, предлагаю вызвать полицию, – кричу ему вслед, надеясь остаться живой.

– Нет, долго, – отмахивается, что-то доставая из салона.

Отмираю в тот момент, когда он выныривает из салона с курткой в руках.

– До бизнес-центра меня подбросишь?

Фух!

– Хорошо.

– «Олимпийский» на Виноградской, – уточняет.

– Поняла, сделаю, – переминаюсь с ноги на ногу и всё же уточняю. – А что с аварией? И вашей машиной?

– Машину в автосервис отгонят. Сейчас эвакуатор вызову. А что по аварии – считай, мы полюбовно договорились, без оформления. У меня через, – смотрит на часы на запястье, – уже пятнадцать минут важная встреча назначена, поэтому я превышал, а после не успел оттормозиться.

Хлопаю глазами.

Что?

– Дистанция же, – подмигивает и бросает ветровку ко мне в салон.

– А деньги? – как дура приоткрываю рот.

– Забей, – отмахивается, как от какой-то мелочи. А потом руку протягивает, – Роман.

– Олеся, – пожимаю ее с опаской.

И с чего вдруг?

Второй раз за день это делаю... пора бы, казалось, уже привыкнуть.

– Ну, поехали, Олеся? – усмехается и, обойдя машину, забирается на пассажирское сидение.

Киваю самой себе. Сажусь за руль и, пока Роман диктует невидимому собеседнику адрес, откуда нужно эвакуировать его бэжу, вливаюсь в плотный поток. За рулем, совершая привычный алгоритм действий, немного успокаиваюсь.

Ненадолго.

– Давно муж гуляет? – убирая телефон в карман, интересуется новый знакомый.

– Если очень любопытно, – проговариваю твердо, бросив в его сторону короткий взгляд, – то, как у него узнаю, сообщу.

– Сообщи, – спокойно реагирует на мою мини-вспышку. – Кстати, молодец, что напонила. Номер телефона свой дай.

– Зачем?

– На днях с тобой мой адвокат свяжется. Поможет задним числом страховку оформить. Бампер на Serato покрасишь или поменяешь. Потом ущерб возместишь.

– А так разве можно?

– Иногда можно, – подмигивает.

Нет, я, конечно, не божий одуванчик, знаю, что в нашей стране возможно многое... но про страховые конторы слышала однозначное: они никакие ДТП, совершенные в день оформления полиса ОСАГО, страховыми случаями не признают, не то что произошедшие еще раньше.

– Номер свой диктуй, – напоминает.

Диктую и, лишь замолчав, озадачиваюсь вопросом: а с чего это вдруг всё так гладко получается?

Не бывает такого.

– И что я вам буду за это должна?

Подозрение в голосе так и клокочет. Скрывать его не стремлюсь.

Я – не милая нимфетка. Я уже больше трех лет с чистой совестью могу посещать чат «Запасной аэродром». Как раз для тех, кому за 30. Ага, и такой в интернете имеется. Подружка Светка неделю назад про него рассказывала.

К тому же, сомневаюсь, чтобы мацо, развалившегося на пассажирском кресле, могли увлечь мои сомнительные прелести. Уверена, у него очередь в спутницы из числа моделей и барби-гёрл на несколько лет вперед расписана.

– А есть, что предложить?

Слышу усмешку в голосе Романа и слегка напрягаюсь.

– Пока не знаю. Но могу налоги посчитать, если ваш бухгалтер не справляется.

Хмыкает.

– Мне нравится твой оптимизм, Олеся, и желание быть полезной, – садится вполоборота, упирается локтем в колено и, не скрывая интереса, разглядывает. – Окей, про налоги подумаю. Но для начала прекращай-ка мне выкать.

– Не могу, мы на брудершафт не пили, – ляпаю, не задумываясь.

Всё внимание занимает перестроение в правый крайний ряд, чтобы как можно быстрее проскочить пробку на Курортном проспекте.

Он же сам говорил, что опаздывает. Да и я выдохну, когда опять останусь в машине одна.

– Не вопрос, организуем, – а вот это уже без юмора.

Что?

Чуть резче, чем необходимо, жму на педаль тормоза.

– Нет-нет. Я пошутила, – растягивая губы, отрешиваюсь от предложения и на секунду встречаюсь с ним взглядом.

Однако веселость быстро пропадает, стоит заметить руки Романа. Подтянув рукава худи на локтях, он тем самым обнажает предплечья...

Непроизвольно сглатываю, чувствуя оторопь.

От запястий и выше все открытые участки кожи забиты татуировками. Вполне возможно красивыми и что-то значащими, но... в голове уже во всю возникают не самые приятные ассоциации.

Мой отчим сидел.

Не знаю – сколько раз и как долго. Дважды, кажется, точно. И пусть это было еще до их с матерью свадьбы, не суть. Повадки зэка, волчий взгляд, агрессия и желание урвать кусок пожирнее навсегда остались частью мерзкой натуры этого человека. Как и забитая наколками спина, плечи и вытатуированные на пальцах перстни.

У Романа, конечно, тату-перстней нет, да и аура не отталкивающая, а наоборот, но реакция тела выходит непроизвольной – я пугаюсь.

Сидящий рядом мужчина это чувствует. Ловит мой взгляд, потом смотрит на свои руки...

– Всё так ужасно? – спрашивает с улыбкой и сам себе отвечает. – Ясно, похоже рукава мне придется сводить.

От стыда за собственную реакцию хочется провалиться сквозь землю. Человек не сделал мне ничего плохого, к тому же помогает, а я, как стерва отменная, нос задираю, ярлыки навешиваю и оцениваю его исключительно по внешности...

– Извините, – бормочу под нос, через секунду шумно выдыхаю и исправляюсь. – Извини, Рома. День сегодня реально дурацкий. И настроение ни к черту. Не хотела обидеть.

– Не обидела, не переживай.

Не знаю, как так легко у него получается, остается только восхищаться умением, но всего парой предложений он ловко смещает акценты на вполне безопасную тему:

– Олеся, а ты местная? Родилась здесь? В Сочи?

– Нет, родилась в Ярославле. А сюда мы с родителями переехали, когда мне исполнилось четыре года.

– Любишь этот город?

– Да, наверное, люблю, – соглашаюсь, немного подумав. – По крайней мере, желания куда-нибудь сбежать ни разу не возникало. А ты?

Ловлю себя на мысли, что напряжение незаметно растворяется, а диалог строится легко и непринужденно. Энергетика у Романа сильная, властная, но не давит. Как море во время шторма. Поражает мощью и масштабами и в то же время завораживает.

– А я здесь относительно недавно, – проговаривает, устремляя взгляд куда-то внутрь себя. – Переехал из Питера два с небольшим года назад.

– Захотелось поближе к солнышку? – подкалываю, улыбаясь. – Про Северную столицу рассказывают, что она подобна Лондону. Серый, мрачный город с вечными ветрами, слякотью, туманами да штормами.

– Глупости говорят, – отмахивается, снова улыбаясь. – Петербург прекрасен. Это город романтики и эстетики. И, несмотря на пасмурную погоду, в нем уютно.

– Ты романтик? – уточняю, паркуясь там, где он просит.

– Нет, ни разу, – качает головой.

Отстегивает ремень безопасности, но не уходит, хотя, казалось бы, опаздывал. Сверлит меня взглядом и словно адреналин вливает.

Еще минуту назад спокойно бывшее сердце берет разбег и суматошно долбит в ребра. Ладони потеют и тихонько скользят по оплетке руля.

– Нам обязательно нужно вместе выпить кофе, – произносит Роман ровно.

Не спрашивает, ставит в известность. Открываю рот, чтобы охарактеризовать это, как лишнее, но мужчина уже подхватывает куртку и, открыв дверь, выбирается наружу.

– Увидимся, Олеся, – подмигивает и, не дожидаясь моих слов, устремляется к центральному входу.

Хмыкаю и качаю головой на знатную самоуверенность.

Мы?

Увидимся?

В городе, где проживает почти полмиллиона жителей?

Глупости.

Но почему-то, когда нажимаю на газ и отъезжаю от бизнес-центра, на губах блуждает улыбка. Легкая и естественная. А проблемы, которые поджидают дома, больше не кажутся катастрофой вселенского масштаба.

Глава 4

ОЛЕСЯ

– Привет, мам.

– Привет, Лекс! – улыбаюсь, разглядывая Алёшку.

– Как у тебя дела?

– Мне кажется, или ты подрост?

Задаем вопросы одновременно. На секунду оба замираем, чтобы дослушать, и смеемся. Вот так всегда. Стоит созвониться или увидиться с сыном, не замолкаем. Закидываем друг друга вопросами, обсуждаем новости и впитываем ответы, как губки.

Нам всё важно.

Всё интересно.

Всё «вкусно».

Алексей – стопроцентный мамин сын. Не маленький, за которого подтирают сопли и собирают по комнате грязные носки, а именно мамин.

Всегда таким был. Погладь спинку, почеси голову, давай поедим мороженое, а научи меня готовить.

Но в последние несколько месяцев – особенно. Как магнитик.

Мамуль, пойдем в магазин вместе, чтобы тебе сумки не таскать. Скинь мне код, я сам в Озон сгоняю, зачем тебе ходить? А хочешь, массаж сделаю?

Он тянется ко мне еще сильнее.

И пусть все специалисты, психологи и даже учителя в школе наперебой утверждают, что четырнадцать – это переходный возраст, который у мальчиков проявляется особенно заметно. Через агрессию, максимализм, нежелание подчиняться старшим. Я этого не замечаю.

Совершенно.

Он не пьет. Не курит. Не гуляет по ночам. Хорошо учится в школе. И души не чает в тхэквондо.

Борьба – это его всё. То, ради чего он каждый день сам, по будильнику, поднимается в пять часов утра, идет на пробежку, после готовится к урокам, а спать ложится строго в десять вечера. То, ради чего он целеустремленно худеет, чтобы попасть в нужную категорию на соревнованиях. Учит тули с непонятными названиями и дважды в неделю ездит с пересадкой на другой конец города, чтобы ходить именно к своему тренеру.

Для меня мой сын – идеальный. Он – маленький мужчина, который с каждым днем все больше демонстрирует волевой характер и целеустремленность, кто, несмотря на юные годы, во всю старается меня (Мам, ну, ты же – девочка!) оберегать и защищать.

Но в то же время он – обычный подросток, который в какой-то момент способен ругнуться матом, пошалить вместе с одноклассниками, зависнуть на целый выходной в телефоне и в плохом настроении закрыться эмоционально.

Что касается последнего...

Не знаю, с чего вдруг отношения между ним и мужем в последние пару месяцев заметно охладели. Сергей говорит, что это возраст, и всё со временем нормализуется. Я же теряюсь и тревожусь.

Сын, рассказывающий о себе и своих интересах буквально всё, в этом вопросе закрывается. Замыкается намертво, как створки раковины моллюска. Прочно и непроницаемо.

И, как не стараюсь, на диалог не идет.

Раньше столь явной разницы между теплотой и лаской, адресуемыми мне, и холодным отчуждением, демонстрируемым отцу, у Алёшки не наблюдалось. Но чем больше времени проходит, тем это становится заметнее.

– Ну же, говори, мам? – выпытывает Алексей с заметной настойчивостью. – У тебя точно всё хорошо?

– Конечно, Лекс. Что у меня может быть плохого? – смеюсь вполне естественно. – Хотя нет, я по тебе очень скучаю, – пользуюсь беспроницаемым вариантом смещения акцентов. – Жду не дожусь, когда ваши выездные соревнования закончатся и ты, наконец, вернешься домой.

– Вернусь, мам. Ну, куда я денусь? Всего-то три дня осталось, – произносит уверенно, словно меня, капризулю, успокаивает.

Такой взрослый уже. Красавчик. Гордость моя.

– А с ростом что? Вытянулся? – напоминаю ему про первый вопрос.

– Метр семьдесят два, – произносит, задирая нос. – Вчера Геннадий Иванович измерял.

– А с весом норма?

– Ага, не переживай. Шестьдесят четыре с половиной. В свою категорию попадаю.

– Опять не ужинал? – читаю между строк.

И по глазам, которые от улыбки слегка прищуриваются, вижу, что догадалась правильно. Целеустремленный – жуть. Весь в моего покойного отца. Для него сесть на диету – нет ничего проще, не то что мне... сладкоежке.

– Норм, мам. Вот выступлю и тогда себе ни в чем не откажу. Обещаю. Кстати, когда приеду, мы с тобой в «Чили» ходим?

– Конечно ходим, – естественно соглашаюсь и беззлобно подкалываю. – По шашлыку соскучился, мясоед?

– Есть такое дело. А тебе твои любимые тортильоны с овощами и со страчателлой закажем, – фыркает довольно. – Я сам выбор озвучу, не переживай.

Смеюсь, подловил.

До сих пор не могу запомнить и правильно выговорить эту абракадабру. Честное слово, ересь какая-то. Язык сломать можно. По мне, макароны с сыром – это и есть макароны с сыром, а не бла-бла-бла в сливочном соусе с креветками.

Практически верю, что болтовней ни о чем смогла отвлечь Лекса. Переключила его внимание на предстоящие радости, отринув подальше грустное.

Но... ошибаюсь.

– Мам, ты на кладбище к Лике и дедуле вчера ездила?

Алексей в момент становится серьезным. Цепляет мой взгляд и не отпускает.

Ребенок?

Нет. В этот момент – точно нет.

Взрослый, глубокомыслящий и понимающий сверх меры человек.

– Ездила, Лёш, – подтверждаю, чуть кивая.

– А отец? С тобой был? – стреляет глазами-лазерами.

Хмыкаю. Отрицательно качаю головой.

Какой смысл врать?

– Нет. Он... в командировку вчера утром на три дня уехал.

Вовремя.

Добавляю мысленно.

Впрочем, как обычно.

А Лёшка, словно считывает.

– Ну понятно, – бросает резко. – Даже не сомневался.

– Ле-е-екс.

Отмахивается.

Вижу, что злится. Глубоко вдыхает и выдыхает, отчего ноздри распахиваются широко-широко. Сжимает зубы, играя желваками. Прищуривается. И пусть отворачивается в сторону, негативные эмоции улавливаю даже сквозь экран смартфона.

– Вот зачем ты одна ездила? – выговаривает, как взрослый.

Снова глядит в упор. И не спрашивает, утверждает.

– Опять же плакала.

Дергаю плечом. Как нашкодивший ребенок.

А что могу сказать?

Да. Плакала.

И каждый раз плачу, когда посещаю кладбище, где уже два года как похоронены любимый папа и дочка. Лике было всего четыре, когда они с бабушкой возвращались с дачи из пригорода в Сочи. И почему-то слетели в кювет.

Погибли оба. Мгновенно, как сказали врачи... Сергею.

Я тогда в таком неадекват была, что врагу не пожелаешь. Если бы не сын... не уверена, что не свихнулась бы.

Единственное, что гнетет до сих пор – полиция ничего не смогла выяснить. Дело осталось висяком. Потому что на той трассе на протяжении почти двадцати километров нет ни одной камеры. Да и свидетелей, что странно, в то утро тоже не нашлось.

Глава 5

ОЛЕСЯ

Завершив разговор с сыном, откладываю телефон на мягкий подлокотник дивана и бесцельно брожу по квартире.

Чувствую себя не то чтобы хозяйкой дома, а какой-то полупрозрачной потеряшкой, которой нужно к моменту завтрашнего возвращения блудного козла мужа восстановить душевное равновесие и наметить ближайшие и долгосрочные задачи.

Слава богу, с основной целью определяюсь сразу – рога спиливаю.

Тьфу, то есть развожусь.

Однозначно!

И даже если Серёжа-сказочник подобно Шахерезаде планирует пичкать меня сказками про один раз и полную амнезию, не отступаю. Но и высказаться ему даю.

Умирать в тридцать три из-за любопытства грешно. А оно меня просто-таки доконает, если я не услышу причину.

И даже если это будет банальное: «Прости, Олеся, но ты вышла в тираж. Задница не такая упругая и грудь после двух родов прекрасно смотрится, только если поднимаешь руки вверх...», – не обижусь.

Потому что, хотя бы пойму, что делала не так... и приму, как совет на будущее, чтобы не глупить.

О, да, я – не звезда, не женщина-вамп, не миллионерша. Обычная среднестатистическая баба. Но ставить на себе крест совершенно не собираюсь.

Я из тех, кто верит, что, когда закрываются одни двери, обязательно открываются другие. И ребенок в этом плане – вовсе не помеха.

Главное, вести себя правильно.

Не смешивать котлеты с мухами. А, как говорится: разделять и властвовать.

Чушь, когда фыркают, что баба со спиногрызами мужику не нужна.

Если он ее любит, а не просто желает использовать, то ни один, ни трое детей – ему не помеха. Другое дело, когда он сам – не мужик, а так... некое подобие, которое ищет для себя либо развлечений на пару-тройку раз, либо мамочку, чтобы обстирывала и облизывала только его одного. Так тут и разговор бессмыслен.

Усмехнувшись – в какие дали-дальние увели меня мысленные разглагольствования, хотя я всего лишь увидела один-единственный снимок измены мужа, заставляю себя остановиться.

Хватит ломать мозг и голову, лучше пойти в душ.

И я иду.

Теплая вода помогает расслабиться и скрыть слезы, которые я стараюсь прятать даже от самой себя. Потому что я – сильная. Я выстою. Я ни за что не покажу, как мне больно, даже если внутри будет жечь, словно глотнула серной кислоты.

А оно жжется. В груди. И сердце болит. И душа стонет. И мысли дурацкие по кругу – что я сделала не так?

Вчера. И сегодня. И, уверена, что завтра будет также.

Потому что мы поженились в восемнадцать. По любви. Сильной, страстной, первой, взаимной.

И любили, как я думала, все эти почти пятнадцать лет.

Забравшись в кровать, решаю еще немножко подергать себя за нервы. Открываю в телефоне, нет, не фотографию Киров-энд-блонди, ту я уже с закрытыми глазами прекрасно представляю. В деталях. Никогда на воображение не жаловалась.

Открываю я поисковик. Вбиваю в него:

– Сколько может длиться душевная боль?

И нажимаю иконку «Найти».

От того количества ответов, которое моментально выплёвывает мне Яндекс, глаз начинает дергаться. Складывается ощущение, что данная тема заботит каждого второго в нашей стране, а каждый третий спешит выдать на этот счет своё авторитетное мнение.

Внимание цепляется за запрос, очень похожий на мой, звучащий: «Эмоциональная боль длится 12 минут, всё остальное – самовнушение!», и всё – спешу просвещаться.

Потому что такой вариант меня больше чем устраивает.

Двенадцать минут – плевое дело. Да я гораздо и полчаса помучиться, главное, чтобы потом знать – всё, Олеся, отстрадалась! – доказано Яндексом. Дальше живи спокойно, а самовнушение просто отключай.

Нырнув в «тему», залипаю.

Радует совет первого же специалиста: «Продышите боль». И, главное, так понятно написано. Чисто русским языком: вдыхайте сердцем, а выдыхайте болью.

Пробую. Не выходит.

Не знаю, как этот профи сей процесс выполняет, я же как легкими вдыхаю, так ими же и выдыхаю. И принятие «правильной позы» никак исцелению не способствует. Только спать хочется, но желание читать дальше дрему пересиливает.

Перейдя ниже, усмехаюсь: «Если боль вас так и не отпустила, а желание самоубийства не прошло, воспользуйтесь нашими специальными программами... Центр неврозов ждет вас!»

– Ага, сейчас! Не дождетесь, – бубню под нос и сползаю по тексту ниже.

А там... о, боже какая прелесть! ... начинается самое интересное – мнения продвинутых пользователей.

Форум.

И вот это реально помогает переключиться, потому что, читая комментарии и постепенно всё громче хихикая, я отодвигаю проблемы на задний план:

«Душевная боль? А нам препод по психологии говорил, что на самом деле нет никакой боли – просто это человек то ли накручивает, то ли сам внушает себе что-то... На самом деле ничего нет...»

«Ну, если препод сказал...:-)...значит оно так и есть...»

«А откуда у вас именно 12 минут? :-)... Почему не 11? ... Или 13? :-)»

«Патамушта 11 минут длится в среднем по больнице половой акт!»

«Не знаю. Я по разным поводам могу и годы спустя плакать...»

«Душевная боль гораздо хуже физической. Ну, лично для меня конечно...»

«Да, никакой боли нет и переживаний нет никаких. Люди же роботы ведь. Бред какой...»

«Н-ну-у-у-у, вы-ы-ы чё-о-о? Надо ковыряться в ране годами, сковыривая струпики, засыпая туда соль и натирая слезами до кровавого пота, подносить поближе к глазам, чтобы удостовериться – на месте ли болячка? Ничего вы не понимаете в удовольствии поскорбеть... или поскорбить?? поскоблить...? Тьфу!»

«А у аквариумной рыбки память вообще до 10 секунд... Вот кому везёт...»

«У кошки память, слышала, 6 минут...»

«Говорят, что кур доят... Каждый человек уникален, нельзя ко всем с одной линейкой...»

На этой позитивной фразе телефон в руках оживает.

Переключиться не успеваю, потому приветствую подругу, продолжая пофыркивать от бреда, вычитанного в сети:

– Привет, Рит.

– Привет-привет, дорогая. Ты чего веселишься? Повод есть?

– Полчаса назад думала, что нет, и честно собиралась пореветь, но так увлеклась чтением, что... передумала, – описываю Назаровой свое странное душевное состояние, а после в двух словах объясняю причину. – Сергей мне, Ритулька, оказывается, изменяет.

– Чего? – теряется та.

Но лишь на секунду, а дальше врубает дознавателя в третьем поколении. Кто? Когда? С кем? А доказательства?

– Ой, нет, моя хорошая, – спешу умерить ее аппетиты. – Сегодня я обсуждать это не горазда. Давай...

– Завтра! – командующим голосом обрубает подруга и следом поясняет. – Поэтому и звоню. Завтра Светка проставляется за отпуск. Так что сбор у нее дома в десять вечера. Я как раз своих спать уложу и буду свободна, как муха в полете. Вот всё чисто бабоньками и обсудим.

Усмехаюсь.

– Ритуль, ты только нашу Светланку бабонькой при ней не называй. Иначе взрыв будет. Глобальный. Она же у нас леди.

– Ой, знаю я эту леди, – в шутку язвит Назарова. – Пусть перед своими подчиненными нос задирает, а мы с тобой с ней, слава богу, на соседних горшках в саду сидели, а после мерили кто навалил бо...

– Всё! Я помню! – обрываю подружку-бунтарку. С нее станет обсуждать всё в подробностях.

Но та не спорит, берет с меня обещание, что завтра я непременно буду, и прощается.

Как ни странно, спать ложусь в нормальном состоянии. Вот что значит дружеская поддержка!

Глава 6

ОЛЕСЯ

Первую половину пятницы, последнего из трех дней, которые брала на этой неделе за свой счет, посвящаю генеральной уборке квартиры. Закончив ее, еду в магазин за тортом, беконом и шоколадными подушечками, которые Алёшка любит есть с молоком на завтрак. Варю борщ и размораживаю курицу.

Во всю готовлюсь к завтрашнему возвращению любимого сына.

Хочется добавить, что параллельно точу ножи, разжигаю костры и собираю хворост – к возвращению блудного мужа, но это будет лишним.

Эмоциональные качели по максимуму ставлю на паузу. Вот будет вечер, соберемся с девчонками в тесном кружочке, пригубим по чашечке крепкого чая, закусим эклерчиком и уж там... эх, как разгуляемся.

Заодно Серёженьке и кости перемоем, и на убывающую луну проклянем, и куклу Вуду с его лицом четвертуем и сожжем, и мысленно на дыбе растянем, предварительно дротиками закидав...

Оторвемся. Не сомневаюсь.

Но это вечером.

А послеобеденное время я посвящаю косметическим процедурам. Домой возвращаюсь в начале девятого с блестящими, как шелк, волосами, сияющей кожей, свежим маникюром и без единого ненужного волоска.

Я четко знаю, почему готовлюсь к завтрашнему вечеру так тщательно. Почему жду его с трепетом и предвкушением. Потому что точно уверена – он будет знаковым.

Завтра начнется начало нашего с Кировым конца.

И встречу я его не только с гордо поднятой головой, но и при полном параде.

В шикарном платье и непременно в красивом нижнем белье. Не зря ж про последнее говорят, что оно, как высшее образование – его не видно, но самооценку поднимает круто.

Вот и удостоверюсь.

Я применю все доступные средства, чтобы ничем не выдать своего бессилия. Не покажу, какой болезненный удар нанес мне в спину близкий человек, чтобы он не использовал мою же слабость против меня и не растоптал окончательно.

Заказав такси, внимательно осматриваю себя в зеркале и остаюсь довольна увиденным. Голубые джинсы с завышенной талией, бронзового цвета атласная блузка и удлиненный пиджак без рукавов. На ногах чумные шпильки. К посиделкам с подружками готова.

На меня смотрит вполне себе привлекательная брюнетка среднего роста и среднего веса с карими глазами, в которых горит огонек непримиримости.

Боюсь ли я завтра остаться одна?

Нет.

И это не бравада.

Я найду, чем мне заняться.

Пиликнувший телефон информирует о входящем сообщении. Смахиваю заставку с экрана, ожидая увидеть текст с номером подъехавшей машины...

... но вместо этого читаю совершенно иное:

«Твой муж сегодня ночует у меня. Можешь не ждать и ужин не готовить!»

Слова хлещут меня будто пощёчины – внезапно и обжигающе.

– Да как скажешь, милая, – растягиваю губы в оскале, стараясь не реагировать на то, как пульсирует воспаленная щека.

Пальцы от напряжения подрагивают, но я уверенно вбиваю ответ.

«Задержи его завтра подольше, я хоть выплюсь после гулянки. И на утро свари овсянку на воде, а не на молоке. Иначе его пучит!»

Перфекционистка во мне проверяет текст на наличие ошибок, а затем уверенно жмет кнопку «Отправить».

Хотела утереть мне нос, детка?

Не выйдет.

Отдача замучает.

***

– Олесь, неужели Сережка, правда, тебе изменяет? – качает головой Рита. – Прости, но в голове не укладывается.

Назарова, возложив в этот вечер на себя важную миссию «на раздаче», разливает всем по третьей рюмке «чая», а затем, подперев щеку кулаком, вскидывает на меня свой пронзительный взгляд.

– Тусь, ну ты же меня знаешь, – хмыкаю в ответ. Скрещиваю руки на груди и откидываюсь назад, упираясь поясницей в низкую перекладину барного стула. – На воду я не дую. И если уж о чем-то говорю, то опираясь на факты.

– Это да, – соглашается подружка. – Паникер из тебя хреновый, да, Светуль? – подмигивает хозяйке дома. – У нас эта почетная миссия уже занята.

Тихонько смеюсь, когда на безобидную шпильку Лапина задирает точеный носик и демонстративно фыркает.

Как хорошо, что хоть у подруг все без изменений. Привычные шутки, привычные гримасы. Душевно и легко.

Хотя разве может быть по-другому, если учесть, что мы тридцать лет дружим?

Именно с тех самых горшков, про которые вчера упоминала Рита. И знаем мы друг друга тоже, как облупленных.

– Маргоша, я – не паникерша, – лениво отмахивается Светка, водя пальчиком с ярко-алым ноготком по кромке фужера. – Не преувеличивай.

– Ну да, ну да, – смиренно соглашается Назарова, – однако, когда в прошлый раз я пошутила на счет рыжего таракана, которого якобы увидела возле твоего нового холодильника, ты с утра пораньше все службы на уши подняла. И госжилинспекцию, и роспотребнадзор, и СЭС, и ЖКХ.

– А нечего им прохлаждаться. Раз создали их для дела, пусть делами и занимаются, – фыркает Лапина, а затем поворачивается ко мне, возвращая разговор к моему пока мужу. – Олесь, может, ты погорячилась? С чего вдруг такие мысли... ты что-то конкретное знаешь?

– Знаю, – киваю, глядя на обеих девчонок по очереди. – У меня даже доказательства есть.

– К-какие? – распахивает глаза-блюдца Светка.

– Да ладно? А ну, показывай! – поддакивает Ритка.

Достаю телефон и, недолго думая, для начала открываю смс, пришедшее пару часов назад. Поворачиваю экран к девчонкам и даю прочитать.

– Ох, них..я себе! – присвистывает Назарова, после чего подхватывает рюмку и без привычного «чин-чин» опустошает. Сводит брови вместе, о чем-то пару мгновений думая, затем выхватывает телефон из моих рук, водит пальцем по экрану и... – погоди, Лесь, так он что... прямо сейчас тебе изменяет? Вот прям... вот-вот...

Хлопает глазами.

– Типа того, – киваю.

В этот момент у всегда спокойной, как удав, следачки Маргариты Назаровой конкретно отпадает челюсть.

– Ипать-колотить, – выдыхает она сипло, не скрывая дикого ошеломления.

– Ага.

Ну а что тут еще добавишь?

– Вот кобель поганый! – вдруг взрывается Светка, взмахивая руками и скидывая со стола салфетки. – Совсем урод оборзел! Да как ему совесть позволяет так себя вести?! Сказал же, что в командировку поехал! А сам? Наврал, подлец!

Хлопаю глазами на не на шутку разбушевавшуюся подругу, переглядываюсь с прифигевшей Риткой, а потом наблюдаю, как Лапина наклоняется, чтобы поднять с пола то, что уронила... и обалдеваю.

Блондинка на фото со штрафом...

Также выгнута спина. Аналогично свешиваются волосы, прикрывая лицо.

Светка?

Не может быть!

Или может?

Охренеть!

– Лапина, – негромко зову нашу леди – не паникершу, – скажи-ка, дорогая, а ты у моего мужа любовница номер один или два?

– Что? – дергается «подружка».

Резко вскидывает взгляд, напарывается на мой немигающий и густо-густо покрывается краснотой.

– Хреново быть натуральной блондинкой, да, Светка? – растягиваю губы в оскале. – Кожа тоньше, капилляры ближе. Весь стыд, как на ладони.

– Что? – вновь повторяет Лапина, как попугай.

Бросает умоляющий взор о помощи в сторону Назаровой, которая сидит, замерев и не моргая, но, не дождавшись поддержки, вновь смотрит на меня.

– Я... нет...

– Ты... да, – припечатываю словами и колким прищуром. – А ведь сколько раз я читала в статьях фразу: «Не хвалите мужа при подругах – уведут... даже, если не нужен», смеялась, наивная. А оказывается, против статистики не попрешь.

Киваю самой себе.

– И каков процент по статистике? – хрипло интересуется ожившая Ритка.

Назарова, качнув головой, будто стараясь скинуть морок, и растерев ладонями щеки, поворачивается к Лапиной и рассматривает ту с таким видом, будто впервые видит.

Я и сама хочу это сделать, потому как мысль о предательстве хоть и озвучена, но осознание пока не наступает. Мы же всю жизнь были вместе, дружили, общались, делились радостями и горестями...

А теперь выходит, что еще и моим мужем...

Буэ!

Мутит.

– Пишут, что тридцать, – силком заставляю себя вынырнуть из отвратительных дум и озвучиваю всплывающие в памяти цифры.

Затем, недолго думая, поднимаю рюмку и, как чуть раньше сделала Ритка, без всякого «чин-чин» её опустошаю. С хрустом под неожиданно тягучую тишину прожевываю корнишон, обтираю руки салфеткой и вновь тянусь к телефону. Открываю госуслуги, где дрягается до сих пор не оплаченный штраф, перелистываю на вторую страницу со снимком видеофиксации и протягиваю гаджет Марго.

– Ты ж знаешь, я на воду дуть не буду, – вновь повторяю свои же слова.

Та молчит, лишь моргает. А еще не меньше пары минут вглядывается в черно-белое фото, не стесняясь его увеличивать и детально изучать. Затем с прищуром зыркает на Светку и, присвистнув, выплевывает:

– Лапина, твою же мать... чего ж тебе, дуре, обычных бананов не жралось?

– Что? – в третий раз выдает хозяйка дома, но, увидев, фото, нервно качает головой. – Маргоша, это неправда! Это не...

– Ты! – припечатывает Назарова, моментально напоминая всем забывшим, кем и где она работает. – Эх ты, блудливая коза, хоть бы постеснялась вырядиться в ту же одежду, в которой блядуешь... да еще с кем.

И тут у нашей не паникерши сдают нервы. Конкретно так сдают.

Лапина, как ураган, подпрыгивает с места, спрыгивает со стула, отчего тот отъезжает назад, противно шкрябая ножками по плитке, и чудом не грохается. Сжимает кулачки, задирает подбородок и...

– Я его люблю! – выкрикивает, фонтанируя эмоциями, и для убедительности топает ногой. – А ты, – ноготок с ярко-алым маникюром прицельно упирается мне в грудь, – его не ценишь.

– Да куда уж ей, – тяжело выдыхает Назарова, закатывая глаза, – это ты у нас, оказывается, великая ценительница и хероглотательница. И не стыдно, Светка?

Давит взглядом, как бетонной стеной.

– Я тоже счастья хочу! – по-детски шмыгает носом любовница моего благоверного и уже не подруга. – А Олеська – рыба мороженная. И Серёжку не удовлетворяет.

– Да и ты, по ходу, тоже, – припечатываю я ее, напоминая про полученную смску. – Что, Лапина, горько, когда изменяют не с тобой?

Маргоша только хмыкает, но, когда уже выходим в коридор, не сдерживается:

– Знаешь, Светка, почему ты в детстве всегда выигрывала по размеру кучи в горшке? Потому что ты вся – одно сплошное говно!

Дорогие читатели, приглашаю в новинку "Сделка. Я тебе верю"

<https://litnet.com/shrt/9q83> – Тебя можно поздравить с будущим материнством? – нечитаемый взгляд темно-синих глаз медленно соскальзывает на мой плоский живот, а затем вновь возвращает внимание лицу. Губы сами собой дергаются в легкой усмешке. – Меня – нет. Можешь поздравить с этим знаменательным событием моего мужа и его любовницу, – веду подбородком в сторону голубков, стоящих в компании моего свекра. – Разве Ольга не суррогатная мать? Иван прищуривается, а мне хочется рассмеяться в голос. Громко, от души. Но я себе этого не позволяю, слишком крепкие прутья у клетки, в которой меня держат. Один неверный шаг в сторону – моментально последуют санкции. Так рисковать я не готова... <https://litnet.com/shrt/9q23>

Глава 7

ОЛЕСЯ

– Олесь, слушай, а ты про статистику не врала? – интересуется Рита, когда мы, взявшись под руки, вышагиваем в сторону проспекта.

Ночь. Фонари. Шелест ветра в густых еще кронах деревьев. Подсвеченные витрины магазинов и кафешек. Яркие фары пролетающих мимо редких машин. Прохлада. Свежесть.

То, что доктор прописал.

Не сговариваясь, решаем, что проветрить голову обоим не повредит, да и сна ни в одном глазу нет. Какое тут, после Светкиных выступлений? А такси вызвать всегда успеем.

– В статьях именно так было написано. Но там ведь как, Тусь? Опрос явно не органы статистики проводили, сама понимаешь, – бросаю на Маргариту вопросительный взгляд. – Что тебя напрягает?

– Лапина и твой Киров, – выдает без раздумий. – А что если Лапина и мой Назаров?

– С ума сошла? – застываю на месте, забывая сделать следующий шаг. – Чтобы твой Олежек и Светка? Ну, Ритка, ненормальная! Перестань даже думать в эту сторону. У тебя идеальный муж, который тебя несколько лет добивался, чтобы позволила на руках носить. А от детей в каком восторге? Секции, бассейн, общение с учителями – везде помогает. Да вы с ним, как ниточка с иголкой – всегда вместе. Выбрось каку из головы! Поняла?!

Подружка не меньше минуты задумчиво почесывает зубами нижнюю губу и прячет глаза, что на нее совсем не похоже. Затем шумно выдыхает и разрождается:

– Леська, я тебе сейчас одну вещь скажу, только...

Морщит нос, будто все еще не уверена, стоит ли продолжать.

– Ну и какую страшную тайну я должна хранить под семью печатями? – подначиваю.

Становится интересно – жуть, потому что Назарова – это ни разу не трепетная лань, она любого мужика парой фраз за пояс заткнет и на полку задвинет, если он берега попутает. А тут стесняется, аки школьница на первом свидании?!

Ёклмн... вот это да!

– Я ни разу не делала минет, – беззвучно, одними губами проговаривает Назарова, а затем звонко хлопает ладошкой, прикрывая рот, и краснеет.

Твою ж кочерыжку!

Следачка моя драгоценная краснеет!

– Правда? – шепчу заговорщически, наклоняясь к ней ближе.

– Ага.

– Круто!

Выставляю вверх большие пальцы на обеих руках, чтобы слова не расходились с делом.

– Чего это? – а вот теперь меня сверлят жутко пронзительным взглядом.

Подзываю Ритульку указательным пальцем наклониться поближе и, когда она подчиняется, шепчу:

– Я тоже... ни разу.

– Да ну нет?! – выпаливает грозная женщина, глядя на меня дико охреневшими глазами.

Смотрю в ответ и киваю.

Немая сцена длится недолго.

Прыскаем с ней одновременно. Ржем так, что слезы на глазах выступают, и животы прихватывает.

И даже если вместе с этим выбросом адреналина выходит разочарование, которое испытываем обе, потеряв близкую подругу, пусть так. Все справляются со стрессом по-своему. А

у нас с Ритулькой благодаря Лапиной появляется еще одна ниточка, которая упрочняет и без того крепкую дружбу еще больше.

– Ну это же не повод, чтобы он тебя...

– А вот завтра и узнаю.

Назарову понимаю с полуфразы, но ответить точнее пока не берусь. По мне – такой повод – глупость несусветная, а что уж на самом деле... уверена, Сережа, прижатый к стенке, непременно скоро поведает.

Вдруг я не права? И ему это важно.

Никогда не считала, что в сексе нужно слепо соглашаться на любые эксперименты только потому, что так делают все, а после обсуждают это на каждом углу, пишут в журналах, статьях в интернете, книгах. Вместе с тем вариант: ночью, под одеялом, без света и только на спине – как единственно для меня приемлемый, я тоже мужу не проталкивала. Нет.

У нас было много всего и разнообразного (по моей версии), но без шпагоглотания, к которому, если уж вспоминать всё от и до, Сергей никогда не подталкивал. А у меня – порадовать его таким способом – самостоятельного желания не возникало.

Купив по стаканчику безалкогольного глинтвейна в фудтраке «Возьми с собой» и пакетик пончиков, облитых сахарной глазурью, облюбовываем лавочку в небольшом скверике и с удовольствием разваливаемся на ней, вытягивая ноги.

– Олесь, и что ты в итоге думаешь делать?

Рита смотрит на меня глазами-рентгенами, оставляя веселье за спиной.

– С Сергеем? – уточняю на всякий.

– Ну а с кем же еще?

– А есть варианты? – вскидываю бровь. – Разводиться, естественно.

Я не стесняюсь обсуждать с Назаровой такие вопросы, потому что без вариантов: при сложных проблемах именно к ней обращусь за поддержкой и советом.

Не к маме, не к сводным сестре или братцу, и тем более, не к отчиму. К ней. Той, в ком уверена, как в самой себе.

И даже предательство Лапиной не подтачивает фундамент этой моей железобетонной убежденности. Ритулька подставит хрупкое плечо и всегда поможет.

– Ну, кто ж знает, на что тебя может подтолкнуть женская логика?! – фыркает Маргоша.

Она за раз откусывает треть пончика и с блаженным стоном его жуёт. Затем запивает теплым напитком.

Присоединяюсь.

– Лесь, если что, ты имей ввиду, – продолжает, тыкая в мою сторону остатками сдобы, – у меня подвязки даже в морге имеются.

Кхекаю, забывая сделать новый глоток.

– Какая ты, однако, кровожадная женщина, – не скрываю улыбки. – И на кладбище тоже?

– И на нем, – отвечает серьезно.

Верю без сомнений.

И точно знаю: если в порыве гнева пристукну благоверного – шучу конечно, куда уж мне – Назарова не постыдится составить компанию, чтобы его прикопать по-тихому. Всё просто: для нее наша дружба – не только слова. Это состояние души, родство на глубинном уровне. Так же, как и у меня.

– Ой, все, Тусь, ну его в зад, кобеля гулящего. Лучше про Машутку расскажи, как там у моей крестницы дела? – уверенно меняю тему, попутно стараясь выкинуть из головы... будоражащую картинку похоронной процессии.

С чего бы?

Всё просто. Однажды предавший – для меня умирает навсегда. Может, потому что я – действительно холодная эгоистка, не верящая во вторые и третьи шансы. А может, потому,

что горький опыт предательства собственной матери, из раза в раз выбирающей себя, своего нового мужа и детей от него, но не меня, старшую дочь, приучил не подставлять вторую щеку, когда наотмашь бьют по первой.

Глава 8

ОЛЕСЯ

Слышу, как со щелчком проворачивается ключ в личине, но к входной двери не спешу. Хотя раньше всегда бежала с привычной, но искренней улыбкой на губах.

Сейчас тоже улыбаюсь, хотя нет, скалюсь, чувствуя, как ноют стиснутые зубы.

Сажу в кресле в гостиной, где привычно негромко работает телевизор, который смотрела одним глазом, и жду появления мужа.

Щелчок захлопнувшейся двери сменяется бряцаньем ключей о полку, установленную в прихожей. Дальше тихий шорох сбрасываемой обуви. Не сомневаюсь, как попало. Сергею вечно не до аккуратности. Деловой человек, куда уж ему?

В офисе, если нужно прибраться, секретарь все поправит, дома – непременно жена. Хорошо устроился.

По коже пробегает нервная дрожь, заставляя волоски топорщиться. Сердце шумно колотится в ребра.

Но, словно желая поддержать, перед мысленным взором возникает привычно спокойное лицо папы и наш с ним разговор, состоявшийся десять лет назад. Тогда он отвезил меня по адресу, который я ему называла – в Комитет по земельно-имущественным отношениям. Туда я ехала, планируя устроиться на работу. И ведь устроилась, пройдя собеседование, хотя зайцем тряслась, дай боже...

– Думаешь, предстоит сложная встреча? – интересуется папа.

– Прости? – вскидываю голову и осматриваюсь.

Машина стоит возле нужного здания, мотор заглушен, а отражение глаз родителя в зеркале заднего вида немного обеспокоенное.

– Мы уже пять минут, как приехали, Олесь. Вот я и спрашиваю: боишься, что встреча сложная?

– Уверена, пап, на сто процентов, – вздыхаю, и волна дрожи бежит от кистей рук до шеи и ныряет в сердце.

– А ты дави противника невозмутимостью, – отец оглядывается и улыбается, отчего вокруг глаз собираются дружелюбные мимические морщинки. – Бери волю в кулак, делай морду кирпичом и смотри на всех, как на противную плесень.

– Думаешь, поможет?

– Конечно! Я всегда так делаю.

Шумно выдыхаю, признаюсь:

– Я просто не знаю, чего ждать от собеседования.

Не хочется заранее думать о плохом, тем самым притягивая негатив в реальность. Но размышлять красивыми фразами – это одно, а мандражировать перед толпой чиновников высокого ранга – совершенно иное. Страх одолевает сам собой.

– А ты не жди ничего хорошего, дочь, – усмехается отец. – Никогда не жди ничего хорошего. Тогда не будешь разочарована.

Несколько коротких секунд вглядываюсь в глаза, так похожие на мои, вижу в них не только свое отражение, но и несомненную отцовскую гордость, нервно улыбаюсь и убираю локон за ухо.

– Я попробую, пап.

Делаю глубокий вдох, ловлю подбадривающий кивок и шустро выбираюсь из машины. Приподнимаю подбородок повыше и чеканю шаг в сторону крыльца, не поддаваясь желанию трусливо сбежать.

– Противная плесень, – усмехаюсь мысленно.

Крепко сжимаю, а потом разжимаю кулаки, по шорохам догадываясь о скорой встрече. Затем заставляю себя расслабиться.

Я заранее скорректировала план действий – не водить хороводы вокруг да около, не ныть, а четко проговаривать проблему и пути ее решения. К тому же времени у нас не так, чтобы много. Всего полчаса на разговор наедине. После мне следует выдвигаться в сторону спорт-комплекса, куда прибудет автобус с моим любимым сыном-тхэквондистом.

К встрече с супругом, как и планировала, я подготовилась основательно. Надела, очень красивый комплект гипюрового белья, который почему-то долго берегла, зато теперь он основательно повышает мою собственную самооценку; темно-серые чулки с ажурной резинкой, слегка выглядывающей из-под задравшегося по бедру подола и черное платье-лапшу, облегает тело, как перчатка, и подчеркивающее все особенности фигуры.

А фигура у меня – хорошая, кто бы что не говорил. Особенно после трех дней нервной диеты, когда кусок в горло не лез. Да благодаря тренировкам в спортзале, которыми занялась не так давно, но основательно.

– Лесь? Привет, – муж замечает мое присутствие, застывая на пороге комнаты.

Скользит взглядом, подмечая детали. Я вижу, как он цепляет ту самую ажурную резинку чулок. Поднимается выше, царапает грудь, вглядывается в мое лицо, ярко-красную помаду... и начинает хмуриться.

Понимает, что я все знаю?

Ага, я знаю... целых три дня знаю, что мой мужчина уже не мой. Не только мой.

Выключаю телевизор, с громким чмоком вытаскиваю из-за щеки чупа-чупс, медленно облизываюсь и делаю приглашающий жест в сторону дивана:

– Проходи, Сереж. Кажется, пришло время поговорить?

– О чем?

Муж не облегчает мне задачу, включая непонимание, да еще не садится, а останавливается у окна. Спина к нему, отчего лицо оказывается немного в тени. Впрочем, это мне не мешает отслеживать его мимику.

– О том, как плохо, Сергей Борисович, порой нарушать правила ГИБДД, – сетую, вновь засовывая конфету на палочке за щеку.

Тянусь к телефону и отсылаю злосчастный штраф нужному адресату. Пусть полюбуется.

– Если проблема только в оплате, то позже разберусь, – отмахивается Киров, не особо торопясь проверять, что я ему скинула. – Устал, как собака.

– Как кобель, ты хотел сказать? – усмехаюсь, совершенно забывая, что пару минут назад считала себя уязвимой в сидячем положении.

Какое там.

Наверное, только то, что прежде чем зарядить по наглой блядской роже, нужно сначала встать, пересечь комнату и лишь потом вмазать, удерживает меня от рукоприкладства. Слишком много телодвижений ради результата, который не факт, что удовлетворит.

К тому же папа учил прятать эмоции, а противника давить невозмутимостью и безразличием. Хотя в отношении Кирова отлично работает и презрение, и безразличие.

– Беденький, столько баб себе завел, когда только всё успеваешь? Кстати, с именами не путаешься? Память к старости еще не подводит? Или в твоём словарном запасе все любовницы – это «киски», «зайки», «лапушки» и прочая блядская нечисть?

– Это что за предьявы? – ух ты, у благоверного прорезается командный голос, в глазах вспыхивает гнев, лицо каменеет, ноздри зло раздуваются.

А вот ни хрена не страшно. Противно – да. Безразличие так и подталкивает сморщить нос и передернуть плечами, но я сижу. Улыбаюсь. Катаю за щекой чупа-чупс.

– Это, дорогой, называется: жена дважды за три дня узнала, что её муж ей изменяет. Какой ты у меня, однако... шлюха.

Сергей внимательно смотрит. Тяжело вздыхает и непонятно почему расслабляется. Осматривается и неторопливо усаживается на диван, вытягивает ноги.

Жду, что попробует оправдаться...

Ошибаюсь.

– Олеся, успокойся. Узнала и узнала. Что ты начинаешь? – голос ровный, но стальные нотки так и сочатся. – И перестань кидаться глупыми оскорблениями. Я – мужчина. Естественно, что у меня больше свобод.

– Глупыми? Больше свобод? Я так не считаю, – хмыкаю с презрением. – И уж извини за прямоту, Сережа, но по мне термин «шлюха» не имеет половой принадлежности. Он характеризует любого индивида, ведущего беспорядочную половую жизнь.

– Ну хватит!

– Нет, не хватит! – продолжаю настырно. – Или у тебя всё упорядочено? Будни с женой, выходные со Светкой Лапиной, а «командировки», – рисую пальцами в воздухе кавычки, – с той красоткой, что вчера прислала мне смс? Кстати, как? Овсяночку на молоке варила? Или всё же на воде?

– Тебе действительно это интересно? – смотрит прямо.

– Нет, – качаю головой, прекрасно улавливая, что он совсем не чувствует вины. Сидит расслабленный и будто довольный, что, наконец-то, больше не нужно от меня скрываться. А то, кажись, устал. – Другое, Серёж, интересуется. Почему?

Взглядом прошу мне озвучить первопричину.

Это ему ср@ть с высокой колокольни. Он же у нас «мужик»!

Мачо. Но по факту чмо.

А мне важно.

Пусть будет обидно, больно, но услышать важно. Хочу выковырнуть «заразу» из сердца. Хочу его разлюбить и пропитаться равнодушием. Только уже не показным, а настоящим. И пусть пока это далеко, но непременно случится, ведь я так хочу.

– Потому что я – мужик. Я люблю разнообразие.

Боже! Какой все же бред.

Хмыкаю, а он продолжает:

– Не фыркай. Это нормально, Олеся. К тому же не открою Америку, если скажу, что все, изменяют. Все! Никакой нормальный мужик не станет пятнадцать лет подряд жрать одни макароны – поверь. Особенно когда вокруг представлен такой шикарный ассортимент других вкусных свежих блюд.

– То есть я – макароны?

Почему я не плачу? Больно же...

За все время, что мы женаты, я ни разу не взглянула на другого мужчину, как на мужчину. Ни разу никого не сравнила с ним. Потому что для меня он был лучшим. Моим. Так было в восемнадцать лет. Так было в тридцать. Так было неделю назад...

А я – макароны...

– Не утрируй. Я всего лишь привел пример.

Хороший. Яркий. В момент расставляющий приоритеты.

Подонки.

– Тогда, чтобы ты не заработал на макаронах гастрита, предлагаю развестись.

Чтобы не выдать, как подрагивают руки, одной поглаживаю себя по коленке, второй кручу во рту чупа-чупс.

– Какой развод, Олеся? – муж обнажает зубы в улыбке.

А мне до жути хочется их проредить. Я – та самая женщина в ярости, которая отличается от ротвейлера лишь тем, что на губах есть помада.

Но если ее стереть...

– Да и к чему нам разводиться? – продолжает не спеша. – Делить имущество? Сына?

Каков молодец! О сыне вспомнил.

Просто отец года, ей-богу!

Медаль бы на лоб прибить... скалкой.

– Ничего, как-нибудь... – скалюсь в ответ и тяжело втягиваю воздух, не понимая, почему он так нещадно жжет легкие, – а Алешка... Алеша – мальчик у нас взрослый... всё поймет.

– Нет, никакого развода не будет, – Киров отмечает мои слова, будто не слышит. – По крайней мере до тех пор, пока сыну не исполнится восемнадцать. А вздумаешь упрямитесь – заберу его себе.

Пока одна половина меня мечется в панике, припоминая все связи и возможности благоверного, захлебывается в страхе и злобе одновременно, вторая дерзко вскидывает подбородок и смотрит на пока-еще-мужа прямо и уверенно.

– Ты, наверное, подзабыл, милый, но уже с десятилетнего возраста дети имеют право выбора – с кем из родителей им оставаться.

В меня словно вселяется кто-то другая, та, кто знает, как действовать в сложных ситуациях, и кто неподвластен громким истерикам в момент истины.

– Это не наш случай, – ухмыляется гад. – И вообще, Олесь, услышь меня по-хорошему. Кончай придурковать. У нас семья. Была и будет. Да, со своеобразными отношениями, потому что от секса я не откажусь, так как привык к разнообразию. Но так и быть... – твою же ж мать, падишах дает добро! – Ты тоже можешь себе кого-нибудь найти. Ограничивать не стану.

Глава 9

СЕРГЕЙ

Как только за женой захлопывается дверь, откидываюсь на кресле, запрокидываю голову и, прикрыв глаза, шумно выдыхаю. Ловлю свой личный дзен в тишине и покое.

Задолбался от работы.

Задолбался от семьи.

Задолбался маневрировать, пытаюсь успеть везде и всюду, и при этом скрывать свою свободную, не ограниченную рамками брака жизнь, где мне легко и о-ху-ен-но.

Эти три дня отдыха были моей личной отдушиной, которую Олеська вдруг надумала испортить.

Вот коза неугомонная.

Трудно было молча схавать? Сделать вид, что, прислав ей смску, тупо ошиблись номером? А со штрафом, что блондиночка случайно выронила ручку мне под ноги и полезла ее доставать?

Подумаешь, горе: молодой муж гуляет. Взревновала. Да разве ж это великое событие, из которого нужно разыгрывать драму? Нет, конечно. Это естественный процесс, когда люди столько лет живут вместе и друг другом приедаются.

С восемнадцати мы в браке. С восемнадцати!

Половину жизни. Кому сказать – не поверят!

И вообще, была бы Леська мудрая, зрела бы в корень – что я всегда возвращаюсь к ней и удовлетворяю неплохо, пусть и без бывшего огонька. Но тут сама виновата – да, она старается угодить, но ведь стареет. Это мне всего тридцать три. Я – мужик в самом расцвете сил. А ей же уже тридцать три! Баба, не девочка. И это пи...дец как много по сравнению с моей Полюшкой, которой двадцать четыре всего два дня назад отмечали.

К тому же я деньги зарабатываю, домой их приношу, да и сына не бросаю. Про его поступление в университет через три года думаю.

Нет же, уцепилась, обиделась и мигом надумала разводиться.

Ага шас!

Не выйдет у нее ни-че-го!

Никакого развода не будет, пока Лёхе не стукнет восемнадцать, и акции, которые сейчас оформлены на него, не перейдут ко мне в собственность. Не для того я последние семь лет играю в семью, как вполне примерный семьянин, хотя давно всё опостылело и осточертело.

Задолбалось – одним словом!

Да и вообще, что она хочет от мужика, которого приперли к стенке и заставили жить по указке? Любви до гроба? Смех!

Не бывает такого.

И пох, что изначально я сам подставился. Решил семь лет назад вложиться в один рискованный проект и погорел. Круто погорел, вдобавок еще и на крупные бабки к серьезным людям попал.

Уже тогда думал, кинуть всё к чертовой матери, свалить на север и начать всё с нуля. Все равно новизна от брака пропала. Жена наскучила. Сын не особо держал – мелкий, чего с него брать?

Но тут тесть вмешался. Пообещал вопросы порешать, потонувший бизнес воскресить и помочь финансово, если дурить не стану и от семьи не откажусь. Мол, видит, как дочь его ненаглядная на меня, любимого мужа, смотрит, и не хочет ей боль причинять моими проблемами.

Я, не будь лошком, согласился. Думал, немного времени пройдет, все устаканится, дела снова в гору пойдут, и разбежимся.

И тут облом!

Дела-то в гору пошли. Еще как. Но сначала Олеся, как проглядел – не знаю, взяла и залезла. Дочку Лику родила. А потом и тестяга, словно пронюхал про мои мыслишки коварные, схитрил и оформил свой пятьдесят один процент бизнеса на Лёшку.

Мне, естественно, управление от имени сына доверил, но, паразит коварный, подстраховался – отчуждать акции до момента совершеннолетия Алексея я не имею права. А вот в день его рождения – пожалуйста.

Ох, как же я озверел, поняв, что меня подловили. Назло тогда почти в открытую со Светкой Лапиной, подругой женушки, замутил. Неделю отрывался, коптил ее и в хвост, и в гриву. Правда, потом одумался. Характер – это хорошо, но с деньгами жить легче. Напелл Олеське, что неделю в командировке был. Она поверила.

Тесть не вмешивался.

А дальше понеслось. Расслабляться стал ежемесячно, но скрытно. Только вот Лапину пришлось сменить. Слишком она в себя, курица наивная, поверила. Думала, я ее выберу. Ага, мечтательница!

Зачем оно мне? Если от симпатичных мордах с крутыми формами и голодными глазами, обещающими мне рай на земле, отбоя и так никогда не было. Менял куколок ежемесячно. И всё шло по накатанной.

Лишь когда Игорь Викторович с Ликой погибли, на три месяца паузу взял, потому что Олеся было страшно одну дома оставлять – ломало ее круто. Пожалел супругу. Как-никак, а уже родная. Но, как восстановилась, всё вернулось на круги своя.

Я расслабился окончательно. Тем более, что и надзор тестя пропал.

Но теперь выходит – рано радовался, что всё нормально. Жена узнала о конкурентке и занервничала. Развода захотела.

Дуреха моя наивная.

Нет уж. Я столько лет терпел, теперь ее очередь!

В пару движений стягиваю с шеи галстук-удавку, откидываю куда-то на диван и, взъерошив на затылке короткие волосы, отталкиваюсь от мягкого сидения, чтобы подняться на ноги.

Что ни говори, а дома все равно хорошо.

Умеет Олеся создавать уют. Чисто кругом, ни пылинки, ни соринки. Всё на своих местах, хотя квартира большая. С кухни тянет ароматной выпечкой и яблоками.

Ясен пень, к приезду Лёшки старалась. Тот от мамкиной шарлотки и наваристого борща с ума сходит. Наяривает так, что за ушами трещит. Подрастающий вечно голодный организм.

Впрочем, я и сам люблю, как супруга готовит. Подача, конечно, не такая изысканная как в ресторане, но по вкусу ничем не уступает.

Прохожу в спальню, чтобы скинуть уже надоевший костюм и переодеться, и на секунду застываю.

Чего в Олесе не отнять – это целеустремленности. Если что-то надумала, упрется рогом, но не отступит. Вот и мне... уже вещички собрала.

Смотрю на два чемодана, подпирающие стену, на пустые полки и вешалки в гардеробной и шалею. Скорая у меня женушка, однако. Быстренько выселить решила.

Вот только фиг она угадала!

Никуда я уходить не собираюсь. И чхать хотел, что эта квартира по факту оформлена на нее – очередной папочкин подарок на рождение внучки Лики. Я тут тоже прописан, и как муж имею все права жить.

Недолго думая, раскидываю один из чемоданов на кровати, отыскиваю футболку и спортивный костюм, чтобы переодеться, а остальное добро кое-как распахиваю по полкам.

На второй баул даже не смотрю. Как Олеся собирала, так пусть сама и назад всё развешивает. Я пальцем не прикоснусь. Не царское это дело.

Хмыкаю над удачной шуткой, но через миг становлюсь серьезным.

Идея подстраховаться, когда жена так резко взяла с места в карьер, лишней не будет.

Пока иду на кухню, чтобы приготовить себе кофе, набираю Барина, отчима моей жены и весьма полезного человека. У того так мало моральных принципов и полное отсутствие комплексов, что он и его ребята идеально подходят мне для решения кое-каких щекотливых вопросов, с которыми лично возиться не по рангу, да и хлопотно.

– Как отдых, родственничек? Оттянулся на свободе? – подкалывает Евгений после коротких взаимных приветствий.

Слышу гул улицы и то, как глубоко он затягивается, а затем медленно выпускает из легких дым.

– Неплохо. А ты, смотрю, уже в курсе? – отмечаю между делом, раздумывая: стоит ли присоединиться и тоже посмолить в вытяжку или лучше не нарываться на недовольство Олеси.

Она злится, когда я курю в доме. Вечно ворчит, что это можно делать на лоджии, открыв окно. А я вроде как ее слышу, но бывает, что на просьбы забиваю.

Охота ли в холод жопу морозить?

– Ну так мне, как твоей крыше, положено, – усмехается Барин.

Он – еще тот ушлый жучара. Любит держать руку на пульсе и быть в курсе моих дел. Впрочем, я не в напряге.

Мы уже несколько лет плотно и взаимовыгодно «дружим». И он не только знает про мою свободолобивую натуру, но и довольно ловко, манипулируя собственной женой, матерью Олеси, прикрывает мои леваки и стряпает стопроцентные алиби.

– Помощь нужна? – вот и в этот раз Палыч не топчется на месте, спеша быть полезным.

– Поздно, – отмахиваюсь, все же решая, что никотинчик не повредит.

Щелкаю зажигалкой, прикуриваю и делаю глубокую затяжку. Запрокидываю голову, прикрываю глаза и, секунду подержав дым в легких, его выпускаю.

– А подробнее.

– Полюшка, хулиганка, ей смску скинула, – сдаю любовницу.

Мысленно костерю ревнивую пассивку и одновременно красочно представляю, как долго и в каких позах буду завтра в обеденный перерыв её наказывать. На губах расцветает порочная ухмылка, по телу прокатывает горячая волна, в штанах становится тесно. Полюшка у меня уж очень горячая девочка.

– Да и кроме этого косячок нарисовался, – рассказываю о том, что при встрече вывалила супруга.

После еще пару минут обсуждаем тупость баб и их странно-неуемное желание присваивать мужиков, словно собственность, хотя они всегда и во все времена были свободолобивыми самцами. И только после всего перехожу к сути звонка...

– Что там Алиска? Отдельно жить не передумала? – интересуюсь у Барина его родной дочерью, младшей сводной сестрой моей жены.

Фыркает.

– Канючит по-прежнему. Вот только не хрен ей! Знаю я эту самостоятельность... пьянки, гулянки, мальчики.

– Да ладно, Палыч, – отмахиваюсь, – не мели не дело. Присмотришь, не впервой. Тем более, мне как раз надо, чтобы наша вторая с Олесей квартирка была очень и очень занята.

– Зачем это?

– Догадайся.

– Неужто Леська тебя из дома выгнать решила?

В чем – в чем, а в логике Барину отказать нельзя.

– Пока только собранными чемоданами намекнула, – признаюсь после очередного глотка никотина. – Другого ляпнуть не успела. Алешка раньше времени приехал. Так что она сорвалась посреди прочувствованной речи.

– Ого, резвая! Вся в папашу, – сплевывает Евгений. – Я всё понял, Серый. Сделаю в лучшем виде. Алиска сегодня же переедет.

– Вот и ладушки! С меня причитается, – благодарю родственничка и отбиваю вызов.

=====

Приглашаю в еще одну мою Сделку "Чужой жених. Нам нельзя" <https://litnet.com/shrt/9q2c>

Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях.
 А потом он исчез.
 Мы встретились за десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев. Я по-прежнему свободная и чуть-чуть беременная. А он – он чужой жених.

=====

Глава 10

ОЛЕСЯ

Пока под колесами проглатываются километры пути, воскрешаю в памяти состоявшийся с мужем разговор. Его слова, жесты, мимику, наглое поведение. Всё то, что смогла считать и рассмотреть, наконец-то, сняв шторы с глаз.

А там все просто и лаконично. Полное удовлетворение собой и своим положением и ни капли стыда в глазах.

Ни на грамм.

Лишь глухое недовольство, скрытое наигранной ухмылкой, что я узнала о его похождениях. Как же, поломала идеальные планы и заставила оправдываться.

А что может быть хуже для мужчины, привыкшего командовать и ощущать себя царем мира, чем понимать, что налаженная жизнь пошла рябью?

Верно! Придумывать отговорки и юлить, аки студенту-желторотику перед ректором. Для Кирова – однозначно.

Это же вышка, когда с какого-то фига покушаются на непомерно раздутое эго самца, которое априори неприкосновенно. И кто? Жена, все пятнадцать лет безоговорочно признававшая его главенство.

А тут усомнившаяся.

Поэтому он взбрыкнул. Натянул на лицо усмешку и стал нести чушь, что развода не даст. Для чего? У меня сомнений нет.

Тем самым попытался восстановить лидерство; загнать меня в прежние рамки, когда молчу и соглашаюсь; вернуть себе комфорт.

Хмыкаю. Трещина, пробившая сердце, когда узнала о его изменах, после наглых ответов превращает жизненно важный орган в труху. Серую пыль.

Без шансов на восстановление.

Всё потому, что это разбились последние крохи моей наивности.

Глупо?

Может быть. Но я до последнего верила, что ему хотя бы чисто по-человечески будет стыдно перед женщиной, которой когда-то клялся в любви, перед женщиной, которая всегда старалась быть поддержкой и родила сына, как он просил.

Стыдно Сергею не стало. Потому что он и не хотел быть верным. Он всего лишь хотел, чтобы я не узнала о загулах.

Сжимаю оплетку руля чуть крепче. Прикусываю изнутри губу, улыбаюсь сквозь близко подобравшиеся слезы. Мысленно прогоняю их прочь, как уже неуместные и лишние.

Что ж горький опыт – тоже опыт. И он однозначно показывает: людям свойственно идеализировать тех, кого они любят. Это очень опасный путь. И я его прочувствовала на собственной шкуре.

Нельзя сужать мир до одного человека. Нельзя.

Нельзя постоянно подстраиваться и быть удобной, как домашние тапочки, которые натягивают, когда устают от всего остального.

В голове вырисовывается правильный вопрос: как я упустила звоночки, когда он стал от меня отдаляться?

Хмурюсь, вспоминаю, анализирую.

Понимаю одно – это происходило так медленно и плавно, растягиваясь на годы, что я просто проморгала. Но, если отмотать время далеко назад и сравнить с днем сегодняшним, то отыскать изменения можно.

Взять самое легкое – нашего сына и его увлечение спортом. В первые годы Алешкиных выездов на соревнования мы всегда и везде его сопровождали на пару. Из поездок встречали тоже вместе, а после мчались отмечать воссоединение семьи в кафе или ресторан.

Куда угодно. Втроем.

Было неважно – выиграл Алешка или нет. Было просто здорово.

Но в какой-то момент мужу захотелось чуть больше времени уделять работе, которая без него не справлялась в отличие от нас с сыном. И пофиг, что суббота-воскресенье.

«В бизнесе нет такого понятия, как выходные», – неоднократно повторял Киров.

С того и пошло.

Пропустил соревнования раз. Два. Потом наслои́лась командировка. Он выбрал ее. В следующий раз важная встреча...

Постепенно, но неотвратимо Сергей от нас отделился.

А спустя два года я уже сама перестала ему что-то предлагать, заранее чувствуя бесполезность идеи и понимая, что справлюсь в одиночку. Позже просто расскажу, как и что было.

Что ж выходит?

Не замечала... или всё же не хотела замечать?

Как не пытаю сама себя, а получается, всё-таки первое. Но если предположить, что вдруг заметила его охлаждение... что последовало бы дальше?

Ответ прост – то же самое: разговор и понимание – развод неизбежен. Стоит ли удерживать того, кто не ценит, что имеет?

По мне – точно нет.

До спорткомплекса добираюсь довольно быстро. Везет со свободной трассой и «зелеными» светофорами. Удивительно, но с парковочным местом тоже нет проблем. Шлагбаум открыт, а мне навстречу как раз выезжает машина.

Ныряю в нужный просвет на стоянке и, сдав задом, занимаю свободный карман. Отмечаю, что родителей в других авто нет, все дружно толпятся возле центрального крыльца. Там же вижу автобус и взбудораженных ребят, ожидающих выгрузки вещей.

Улыбаюсь.

Общая атмосфера позитива заряжает даже на расстоянии. Отмечаю, как некоторые дети и родители уже обнимаются. Смеются. Кто-то ведет себя серьезно, держит дистанцию. Кто-то дурачится, забывая про возраст, что-то рассказывает, взмахивая руками. Несколько человек разговаривают с тренером.

На душе теплеет. Я тоже в предвкушении встречи.

Пока глушу «сератку», бегаю глазами по лицам, стараюсь отыскать своего красавчика, по которому дико соскучилась. Не выходит. Алешки не видно. Но не унываю. Сынуля, скорее всего, где-то в толпе.

Прихватываю ключи и телефон, сумка не нужна, и выпрыгиваю из машины. Ставлю ее на сигнализацию и иду ко всем. В этот момент уходит всё: боль, разочарование, грусть. Сердце берет разбег перед встречей с самым лучшим мужчиной на земле.

Я в предвкушении вновь верчу головой. Ищу русую макушку.

Не нахожу.

Зато наталкиваюсь на пристальный взгляд, который буквально заставляет себя почувствовать.

– Ого, – произношу мысленно, вскидывая брови вверх.

Роман?

А он тут откуда?

Мой недавний знакомый по ДТП стоит на верхней площадке крыльца, спрятав руку в карман классических брюк. Высокий. Крепкий. Притягивающий внимание аурой самодостаточного человека, который априори смотрит на всех с позиции лидера.

Темная водолазка обтягивает его широкую грудь. Темно синий пиджак расстегнут. На руке поблескивают часы, на ногах начищенные до блеска ботинки.

На губах улыбка-усмешка, которую я уже видела, когда мы ехали в моей машине в бизнес-центр. В глазах блеск, особенно когда он неторопливо и, главное, не скрывая интереса, осматривает меня с головы до ног и обратно.

Медленно.

Лениво.

Так, будто ему это позволено.

Отмечая все детали до единой.

Туфли. Чулки. Колени, наполовину прикрытые подолом. Обтянутый платьем бюст. Судорожно сжавшиеся ладони. Алеющие щеки.

Не знаю, как ему это удастся, потому что мимика у него практически не меняется, но я четко улавливаю посыл: ему нравится то, что он видит.

Но разве мне это важно?

Хочу фыркнуть и разорвать непонятно как образовавшийся между нами зрительный контакт. Не успеваю.

Улыбка на губах Романа становится мягче и будто теплее, а затем он подмигивает.

Подмигивает?!

В следующую секунду на глаза обрушивается темнота.

– Угадаешь-шь кто?

Вместо холода от испуга, который так и не случается, под кожей разливается тепло. Этот голос я узнаю всегда, как бы Алексей не пытался его изменить.

Он особенный. Близкий. Родной.

– Лекс! – радостно взвизгиваю и накрываю теплые пальцы сына своими.

Он мгновенно меня отпускает, отступая на полшага и позволяя развернуться. Чуть задирает подбородок, всем видом демонстрируя свой немалый рост, который уже явно превосходит мой, и щедро разрешает себя обнять и несколько мгновений потискать. Хотя однозначно не является публичным человеком в плане демонстрации эмоций.

– Я так по тебе скучала.

– Я тоже, мам.

– Такой хорошенький.

Нежность из меня буквально выплескивается.

Ладони жутко чешутся. Очень хочется еще и еще раз его потрогать: погладить впалые щеки, взъерошить короткий ежик волос, щелкнуть по носу, взять за руку, сжать.

– Тихо, мам. Вдруг услышат, – шикает Алешка.

Поджимает губы, стараясь казаться серьезным и взрослым, но в глазах сияют искры. Знаю, что он всё это мне позволит сделать, но позже. Дома, где не будет никого чужого.

– Исхудал как, – меняю тему, которую он точно одобрит.

Внимательно осматриваю поджарое спортивное тело с ярко выраженным треугольником – широкими плечами и узким тазом, упакованное в ярко-красный флисовый костюм с эмблемой спортклуба тхэквондо. Белую кепку и такого же цвета кроссы. Сама себе завидую – красавчик вырос!

– И повзрослел, – добавляю с придыханием.

– Так кросс каждый день по три км сдавали. А еще тренировки.

– С соревнованиями как?

– Первое место в спарринге.

Вжикает змейкой толстовки и вытягивает синюю ленту, на конце которой висит прямоугольная медаль. Верчу в ладони, вчитываюсь в текст на обратной стороне, где указано название турнира и место проведения.

– Супер!

– Грамота в папке.

– Молодец, – поглаживаю мускулистое плечо, дожидаясь пока Алешка ловко уберет награду назад под кофту. – А по тулям что?

– Опять продул.

– Снова кулак не докрутил?

Смотрим друг на друга. Улыбаемся. Все вопросы и ответы привычны и понятны, но традиция – есть традиция.

– Ага. Есть такое. Но со следующей недели начну исправляться. Буду заниматься дополнительно.

Лекс хочет сказать что-то еще, но, заглянув мне за спину, кому-то кивает и просит несколько минут, чтобы попрощаться с ребятами и забрать свои сумки, которые уже выложили на прорезиненное покрытие около крыльца.

Отпускаю, отвлекаясь на пикинувший телефон. А когда прослеживаю, куда унесся, пересекаюсь со взглядом тренера. Геннадий Иванович, которого продолжают атаковать другие родители, беззвучно здоровается, с улыбкой кивает в сторону Алексея и поднимает большой палец вверх.

Доволен учеником. Приятно.

– Спасибо! – произношу одними губами и пока есть минутка вновь поворачиваюсь к крыльцу, чтоб еще раз увидеть нового знакомого.

Но Романа уже нет. Как и нет понимания, что он тут мог делать. Разочарование вкусить не успеваю. В эту минуту на меня налетает ураган по имени «Алешка», волоча два огромных баула с экипировкой и вещами, и занимает собой все мысли.

При всем своем желании казаться взрослым, наедине он очень любит поболтать, особенно на тему спорта. Этот раз не становится исключением. Я с удовольствием поддерживаю. Продолжая диалог, мы дружно грузимся в машину и держим путь в кафе, чтобы отметить новую победу будущего чемпиона.

– Тридцать первая медаль. Ты – умничка! – протягиваю свой стакан с соком, чтобы с тихим «дзинь» соединить его со стаканом тоника, который предпочитает сын.

– Весной на Россию смогу поехать, если в январе сдамся на первый гып, – произносит он довольнo.

Ловлю в таких же как у меня серых глазах уверенность и непреклонность и пожимаю его руку. Нет сомнений, если задумал, вытянет. Не свернет.

Характер бойца.

Упорство. Выносливость. Прямота. Всё его.

И пусть тхэквондо, как вид спорта, внушает мне лишь липкий страх и порой ужас, особенно когда во время спаррингов на ковре происходят жестокие драки, часто завершающиеся приглашением медработника, понимаю, что не имею права его отговаривать и, как хрустальную вазу, прятать в десятки мягких одеял. Он – прежде всего будущий мужчина и защитник, который должен воспитывать в себе волевой характер.

И это у него получается отлично.

Домой возвращаемся в начале седьмого. Сытые и уставшие.

Мечтаю принять ванну и завалиться с книжкой на кровать. В тишине и покое. Глубоко в душе тешу себя сладкой мыслью, что Киров, которому впопыхах не успела сказать про чемоданы, обнаружил их собственными глазами, понял посыл и убрался подальше. Хоть к одной любовнице, хоть к другой, хоть в старую квартиру, которая пустует после ремонта.

Неважно, главное, исчез и забрал с собой весь негатив. Однако, ошибаюсь.

Стоит повернуть ключ в личине, распахнуть дверь и услышать знакомые голоса, как настигает понимание, вязкое, противное: отдохнуть не удастся.

Глава 11

ОЛЕСЯ

– Ого, ма, у нас что, бабушка Алла в гостях? – негромко осведомляется Лекс, как и я с порога услышав стрекот свекрови где-то в недрах квартиры.

– Кажется, да, – подтверждаю, ощущая кислую вязкость на корне языка, и первым делом сосредотачиваю внимание на обуви в прихожей.

Хочется понять: чего ждать дальше? Одну головную боль или сразу две – то есть свекра в придачу к свекрови?

Не то чтобы я была такой уж ханжой, но с родственниками мужа, обожающими поучать по делу и без «молодую и малоопытную в хозяйстве невестку», предпочитаю общаться на расстоянии. Телефонный разговор раз в неделю – самое то, в две – идеально, в три – фантастика с хэппи-эндом.

По мне, в тридцать три считаю себя вполне зрелой личностью, умеющей принимать собственные решения и нести за них ответственность. Однако, родителей супруга это вообще ни разу не волнует, и они при любом удобном и нет случае пытаются не просто лезть в мою семью, но и навязывают свои правила лично мне.

Сына, дорогая сноха, нужно воспитывать иначе, строже, а не строить из себя его подружку-малолетку!

...

Мужа нужно приголубить и накормить, а не выпытывать с порога, почему он опоздал на три часа в твой день рождения.

...

Влажная уборка раз в неделю, Олеся, это очень мало! Надо делать дважды. И полы мыть не шваброй, а руками! Не настолько ты стара.

...

Расходы нужно записывать в тетрадь и по требованию мужа непременно ему предъявлять. Должен же он понимать, на что расходуется бюджет.

...

Нам с Борисом Тимофеевичем хотелось бы, чтобы Алексей бросил своё дурацкое занятие мордобития и занялся чем-то полезным. Например, робототехникой и серьезными науками. Физикой, астрономией. Прекращай его поощрять.

...

Возьми отпуск в конце мая. Поможешь мне с огородом и рассадой. Я же и на вас огурцы выращиваю.

...

Олеся, то, что ты работаешь в комитете по земле и имуществу при администрации, конечно, неплохо, но давно пора бы уже из бухгалтеров подняться по карьерной лестнице повыше. Например, став заместителем или начальником. Вот мой сын давно генеральный директор, а ты всё так и остаешься обычным специалистом.

...

– Ты не знала, что бабушка приедет? – интересуется Алешка, поймав мой затуманенный воспоминаниями о прошлом взгляд. – Сюрприз что ли?

– Для меня точно, – кривлю губы, мысленно радуясь хотя бы тому, что лишней пары мужских ботинок в глаза не бросается. Значит, Бориса Тимофеевича можно не опасаться.

Уже легче.

– Постараюсь взять ее на себя.

Сын поглаживает меня по плечу, тем самым выражая поддержку.

Вот тебе и четырнадцатилетний пацан. Понимает побольше собственного отца. Ведь по мнению последнего ничего критичного, когда его мама начинает меня учить жизни, не происходит. Всего лишь естественный процесс, когда старшее поколение передает опыт младшему. Радоваться надо.

И вроде звучит все правильно и безопасно, но только до того момента, пока те самые поучения не переходят на личности и в тыканье недостатков, которые непременно отыскиваются во мне и в любых моих действиях.

Отыскиваются десятками, а то и сотнями!

– Ох, кто же к нам приехал. Ну, наконец-то, Алексей! Иди сюда, богатырь, обними любимую бабушку, – дает распоряжение Алла Савельевна, доброжелательно раскидывая руки в стороны, стоит нам с Лексом войти в гостиную. – Здравствуй, Олеся.

Последнее звучит суше и достается мне, как и пристальный взгляд, который сканирует с ног до головы. Выдерживаю осмотр и только после этого киваю:

– Добрый вечер.

На мужа смотреть не хочется от слова совсем, но приходится. Он-то, не скрываясь, достаивает меня вниманием.

– Почему так долго, дорогая? Мы вас больше двух часов ждем, чтобы сесть ужинать. Мама столько всего наготовила, как приехала. Тем более и повод есть, – улыбается отец года, замечая медаль на шее сына и игнорируя мой пристальный посыл валить из дома нафиг. – Какое место, Алех? Надеюсь, первое?

– Первое, – подтверждает Киров-младший, выбираясь из объятий бабушки и останавливаясь рядом со мной плечом к плечу. К отцу, что удивительно, ни разу не подходит. – Только мы отметили уже. В кафе с мамой.

Вот так!

Хороший мальчик. Честный, в отличие от брехуна-мужа.

Усмехаюсь.

Интересно, Киров понимает намеки?

– Хорошие события отмечать нужно дома. В кругу семьи, – назидательно заключает свекровь. – А не пойми где и втихомолку.

Ну да, ее-то мнение спросить забыли.

Сдержанность рот на замке не выходит, как бы не внушала себе, что молчание – золото.

– Мы гостей не ждали, Алла Савельевна, – пожимаю плечом, – и почему-то не помню, чтобы вы предупреждали о своем приезде.

Не собираюсь чувствовать себя виноватой, как бы не старалась родственница пока-мужа поставить мне это в укор. Как и не особо оцениваю ее грандиозную готовку, которая сводится к расстановке по столу всего того, что я вчера и сегодня утром варила, резала и жарила собственными руками, зная, что сыну это понравится.

– Сергей был в курсе. Да и я – не гость, а член семьи, – растягивает узкие губы Алла Савельевна, поглаживая своего великовозрастного отпрыска по спине, а после озвучивает то, что совершенно выбивает из колеи. – К тому же, ближайшие пару недель мы будем видеться ежедневно. Мне курс физиопроцедур и капельницы назначили. Из пригорода добираться долго. Я поживу тут, раз вторая квартира занята.

– Как занята? – дергаюсь, моментально напарываясь на взгляд Кирова.

Неужели муженек для себя ее приберег, поняв, что я его все равно выставлю за дверь? А мамочку расстраивать не хочет?

– Там с недавних пор твоя сестренка обитает, – приторно сияет «благочестивый», заглядывая в мои глаза, чем вызывает холодную оторопь. – Не выгонять же твою родственницу на улицу?

– Что? – голос практически сипит.

Но муж вопрос игнорирует, поворачивается к Алле Савельевне и широко улыбается:
– Конечно, мамуль, мы будем очень рады твоему присутствию. Правда, любимая?

Умудряюсь лишь открыть и закрыть рот, не издав ни звука, но мысленно обзываю Сергея такими матерными словами, что не только щеки полыхают, но и уши.

Сволочь!

Гад!

Манипулятор хренов!

Здорово придумал, паразит. Вот только не всё коту масленица. И на него найду управу.

Пусть радуется, что не на кухне разговор шел, иначе точно бы сковородку применила не по назначению.

– Так, хватит болтать. Алешка, дуй мыть руки. Олеся, а ты переоденься, всё-таки дома уже, а не на дискотеке, – командует единолично решившая взять бразды правления в свои руки свекровь. – Раз вы сытые, значит, посидите и чай с тортом попьете. Я в холодильнике видела. Вроде не просроченный. А мы с сыном поедем. Зря что ли я старалась?!

Усмехаюсь. Понятно, ревизия в квартире уже успешно проведена. Кухня обследована. Полки на наличие пыли проверены. Шкафчики осмотрены. Интересно, а в мой ноутбук тоже залезла?

Бесит!

Бесит!

Бесит!

До ужаса хочется завизжать и послать подальше не только муженька, но и его мамашу. Раздражают оба. Вот только Алешку пугать не хочется. К тому же отвлекает входящий вызов с незнакомого номера.

– Хм, – выдает свекровь, совершенно наглым образом сунув нос к экрану. – Кто это еще?

До боли прикусываю язык, чтобы не сказать того, за что впоследствии станет непременно стыдно. Беру Лекса за руку и утягиваю из гостиной.

– Мы скоро, – бросаю, не оглядываясь, и только в комнате сына принимаю так и не прекращающийся звонок.

Однако, скоро у нас с сыном не выходит.

Сначала я разговариваю по телефону с адвокатом господина Зорина, как себя представляет позвонивший мне мужчина. Мы договариваемся встретиться завтра в его офисе и «порешать» мой вопрос по страховке.

Вот так узнаю фамилию Романа, с которым заключила смешное пари.

Дальше следует еще один входящий звонок. Это беспокоят из спорткомплекса, куда я хожу заниматься два раза в неделю. Они дико извиняются, но печалат новостью – в ближайшие пару месяцев здание закрывается на капремонт из-за прорыва труб отопления. Обещают вернуть деньги по абонементу или поспособствовать переходу в другой спортзал.

Тоже обещаю завтра подъехать.

А когда Лешка, закончив водные процедуры и переодевшись, выходит из ванны, я составляю, пожалуй, самый сложный из всех разговоров за свою жизнь.

– Сынуль, понимаю, что мои слова прозвучат дико, но лучше ты узнаешь это от меня заранее. В ближайшие дни я подаю документы на развод с твоим отцом.

Да, в одном моя пока свекровь оказывается права. Я не сюсюкаюсь с сыном, а воспринимаю его взрослым, умеющим думать и анализировать человеком. И потому не собираюсь прятаться по углам, по-тихому выясняя отношения с Сергеем и считая, что Алексей не дорос до взрослых проблем, и его психика такого не переживет.

Знаю, переживет.

Одобрит – не одобрит – другой вариант.

Да и не выйдет у нас теперь с Кировым по-тихому, когда единственную свободную гостевую комнату оккупирует Алла Савельевна с долгоиграющими планами. Спать пока-мужу тоже где-то надо. И это явно не моя спальня, куда путь ему теперь заказан.

К тому же делать вид, что все в порядке, и разыгрывать перед свекровью спектакль дружной семьи я не собираюсь. Как и терпеть ее диктаторство в собственной квартире.

Как говорится – приоритеты поменялись. Теперь у меня нет цели сохранять мир во всем мире и терпеливо сносить наезды и поучения чужого человека. Больше нет.

– Почему?

Алексей смотрит внимательно. Чуть поджимает губы, от чего кожа сильнее обтягивает острые скулы.

– Не вижу смысла жить с человеком, которого больше не уважаю и не доверяю.

Обхватываю себя за плечи и легонько их растираю, стараясь прогнать озноб. Сложно говорить с сыном на эту тему, хотя и не считаю, что делаю что-то предосудительное.

– Лекс, прости меня, что выбираю не твой комфорт – оставить все как есть. А свой. Обещаю, я постараюсь, чтобы ты ни в чем...

– Мам, – перебивает, не позволяя договорить, – мы справимся. Правильно решила.

По коже двести двадцать шарашит, когда смотрю в любимые глаза, и когда именно сын распахивает объятия и меня обнимает. Мой уже совсем взрослый мальчик.

– Ты про него и тетю Свету узнала, да?

Только после этого вопроса, начинаю осознавать его «правильно решила» и весь пздц ситуации, в которую мы попали.

Слезы, которые очень близко подобрались к глазам во время непростого разговора, моментально высыхают, зато сердце берет сумасшедший разгон. И кулаки сжимаются до боли.

– Лекс? – задираю голову. – Говори.

И он рассказывает. А у меня с каждым его словом в груди все больше и больше жжет. И кричать хочется. Громко. В голос. Чтобы всю боль, которая терзала два месяца моего ребенка, выплеснулась наружу.

За себя мне было обидно? Что предал?

Дурочка!

У меня ребенок себе места не находил, разрываясь между желанием обвинить отца в предательстве и боязнью причинить мне боль. Знал и молчал, не понимая, как поступить.

Мразь.

Какая же мразь мой муж.

За сына я его растерзать готова. Голыми руками.

К чаю с тортом мы с Алешкой все же выходим. Какое-то время наблюдаю за Сергеем и свекровью, о чем-то тихо болтающими и дружно поглощающими салатик и рис с мясом. Потом смотрю на сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.